

чарование

САРА
МАКЛЕЙН

Девять
правил
соблазнения

Сара Маклейн
Девять правил соблазнения
Серия «Любовная считалочка», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6596253
Девять правил соблазнения: АСТ; М.: 2013
ISBN 978-5-17-078213-0

Аннотация

Леди не курит сигарильи, не пьет виски, не ездит верхом по-мужски, не устраивает дуэлей.

Но главное – леди никогда не позволяет себя целовать никому, кроме жениха или мужа!

Кальпурния Хартуэлл всегда следовала этим правилам – и что в итоге? Она не замужем, мужчины не обращают на нее внимания!

В отчаянии девушка решает нарушить все правила, которым следовала раньше, – и тут же притягивает к себе самого отчаянного повесу лондонского света, знаменитого соблазнителя и покорителя женщин Гейбриела Сент-Джона, маркиза Ралстона...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сара Маклейн

Девять правил соблазнения

Пролог

*Англия, Лондон
Апрель 1813 года*

Леди Кальпурния Хартуэлл, с трудом сдерживая слезы, едва ли не бегом покинула бальный зал Уортингтон-Хауса – сцену ее нынешнего и самого ужасного позора. В вечернем воздухе явно чувствовалось дыхание весны, но девушка не замечала его, торопливо сбегая по великолепным мраморным ступеням. Отчаяние заставляло ее ускорять шаг, подталкивая в густой полумрак большого старого сада. Только оказавшись в тени живой изгороди, девушка наконец почувствовала себя в безопасности и, глубоко вздохнув, замедлила шаг. Ее матушка страшно рассердится, когда узнает, что старшая дочь позволила себе выйти в вечерний сад без сопровождения, но ничто не могло удержать Калли в стенах этой огромной комнаты пыток.

Ее первый сезон, похоже, закончится полным провалом.

А ведь не прошло и месяца с момента ее первого появления в свете. Калли, старшая дочь графа и графини Аллендейл, казалось, была создана для этой жизни, для успеха в которой надлежало хорошо танцевать, обладать изящными манерами и быть красавицей. Но именно в последнем условии и заключалась проблема. Калли прекрасно танцевала, ее манеры казались безупречными, но можно ли было назвать ее красавицей? Девушка абсолютно трезво оценивала свою внешность и не питала на этот счет особых иллюзий.

«Я знала, что все это закончится настоящей катастрофой», – думала она, обессиленно опускаясь на мраморную скамью, скрытую в зеленом лабиринте Уортингтона. Она три часа провела на этом балу, и ее ни разу не пригласил хотя бы мало-мальски перспективный кавалер. Дважды ее приглашали известные охотники за состояниями, один раз какой-то жуткий зануда, имени которого она даже не запомнила, и один раз старик баронет, которому, наверное, было никак не меньше семидесяти. В конце концов Калли уже не могла изображать радостное оживление и удовольствие, якобы получаемое от танцев и музыки. Было совершенно очевидно, что, невзирая на ее благородное происхождение, светское общество оценивало Калли исключительно как обладательницу солидного приданого. Однако даже этого оказалось недостаточно, чтобы дебютанткой заинтересовались те джентльмены, которые могли ей действительно понравиться. Приходилось признать, что большую часть сезона завидные молодые холостяки обходили Калли своим вниманием.

Она вздохнула.

Сегодняшний вечер показался ей настоящим кошмаром. Мало того что Калли пришлось танцевать с кем попало, так еще и сегодня вечером, казалось, все гости, кто исподтишка, а кто и открыто, разглядывали ее как какую-то диковинку.

«Нельзя было позволять матушке напаяливать на меня это уродство», – пробормотала девушка себе под нос, в очередной раз окидывая взглядом свое платье – слишком зауженная и завышенная линия талии при чертовски маленьком лифе, в который едва втискивалась грудь, которая была гораздо крупнее, чем того требовала нынешняя мода. Калли была уверена, что ни одна красавица никогда не надела бы такое яркое, цвета жаркого заката, платье.

Это платье, как уверяла ее матушка, последний крик моды. Когда Калли высказала опасение, что фасон не слишком подходит для ее фигуры, графиня довольно резко заметила,

что она не права. «Ты будешь выглядеть потрясающе», – обещала матушка, пока модистка порхала вокруг девушки, втискивая ее в кричаще яркий наряд, и, наблюдая в большом зеркале за происходящими с ее фигурой трансформациями, Калли вынуждена была согласиться с ними. В этом платье она действительно выглядела потрясающе: потрясающе уродливо.

Защищаясь от вечернего холода, она крепко обхватила себя руками и обреченно закрыла глаза. «Я не могу вернуться. Мне придется навсегда остаться тут».

Из тени донесся тихий смешок, и Калли, испуганно ахнув, вскочила на ноги. Пытаясь унять сердцебиение, она быстро огляделась и в густом полумраке с трудом различила темный силуэт мужской фигуры.

– Не следует в темноте подкрадываться к людям. Джентльмены так не поступают.

Незнакомец не замедлил с ответом, и ее окутал низкий тембр его голоса:

– Приношу свои извинения. Впрочем, я мог бы сказать, что это вам не следует таиться в темноте. Дамы так не поступают.

– Вот здесь вы ошибаетесь. Я не таюсь в темноте, а скрываюсь. Это совершенно разные вещи.

– Я вас не выдам, – прошептал мужчина, словно читая ее мысли, и сделал шаг вперед. – Так что можете показаться – все равно вы оказались в настоящей ловушке.

Калли почувствовала спиной колющий кустарник живой изгороди, а незнакомец продолжал приближаться, и она поняла, что ее таинственный визави прав. Девушка горестно вздохнула. Неужели несчастья этого вечера не закончились? В этот момент мужчина шагнул в серебристый лунный свет, и стало ясно, что дела Калли совсем плохи.

Перед ней стоял печально известный маркиз Ралстон – убийственно красивый и дьявольски обаятельный лондонский повеса. С его безнравственной репутацией могла сравниться только его столь же безнравственная улыбка, которая сейчас предназначалась именно Калли.

– О нет, – прошептала она, не в силах сдержать прозвучавшее в ее голосе отчаяние. Она просто не может допустить, чтобы он ее увидел. Только не такой – затянутой, как рождественская индейка. Рождественская индейка цвета оранжевого заката.

– Так что же с вами произошло, юная леди?

Лениво-заботливый тон согрел Калли, хотя она и продолжала оглядываться в поисках путей отступления. Маркиз, будучи как минимум на шесть дюймов выше, загораживал собой все пространство, подойдя уже настолько близко, что она могла бы его коснуться. Впервые за долгое время девушка почувствовала себя маленькой. Даже крошечной.

– Я... я должна идти. Если меня застанут здесь... с вами...

Калли не закончила фразу. Маркиз и без того понимал, что случится.

– Кто вы? – Он прищурился в темноте, разглядывая нежные черты ее лица. – Подождите... – Она представила, как его глаза сверкнули узнаванием. – Вы ведь дочь сэра Аллендейла. Я заметил вас.

В ее ответных словах прозвучал печальный сарказм:

– Уверена, что заметили, милорд. Меня трудно не заметить. – Она тотчас прикрыла рот ладошкой, шокированная собственной смелостью.

Ралстон негромко хмыкнул.

– Да уж, ваше платье просто бросается в глаза.

Калли не смогла сдержать улыбки.

– Очень дипломатично, но согласитесь: я в нем слишком похожа на абрикос.

На этот раз маркиз рассмеялся в голос.

– Удачное сравнение. – Элегантным жестом он предложил девушке вновь занять место на скамье, и после некоторого колебания Калли села.

– Пожалуй, – ответила она и широко улыбнулась, удивляясь, что вовсе не чувствует неловкости. Наоборот, Калли почувствовала себя свободнее. – Моя матушка... Ей отчаянно хочется нарядить свою дочь, как фарфоровую куколку. Печально, но я для этого совершенно не подхожу. И просто мечтаю о том, чтобы моя сестра начала выезжать, – тогда, надеюсь, графиня оставит меня в покое. Правда, сейчас сестренке только восемь.

Маркиз присел рядом с девушкой и, весело улыбнувшись, сказал:

– Да. Вам придется немного подождать.

– Это мягко сказано. – Она взглянула на усыпанное звездами небо. – К тому времени, когда состоится ее первый выезд, я буду считаться старой девой.

– Откуда такая уверенность, что вы засидитесь в девицах?

Калли, чуть нахмурившись, посмотрела на него.

– Я ценю ваше благородство, милорд, но это притворное недоумение оскорбительно для нас обоих. – Он не нашелся что ответить, Калли опустила взгляд на свои руки и произнесла: – Мой выбор весьма ограничен.

– Что вы имеете в виду?

– Похоже, среди претендентов на мою руку будут только разорившиеся шалопаи, престарелые ловеласы и убийственные зануды, – пояснила Калли, загибая пальцы по мере перечисления категорий возможных женихов.

Маркиз усмехнулся:

– В это трудно поверить.

– О, это правда. К сожалению, я не отношусь к числу тех молодых леди, на танец с которыми джентльмены занимают очередь. Это видно каждому, у кого есть глаза.

– У меня есть глаза. И ничего подобного я не вижу.

Его голос, нежный и мягкий как бархат, проникал прямо в душу, маркиз протянул руку и осторожно погладил девушку по щеке. Мощная теплая волна прокатилась по ее телу, и Калли непроизвольно задержала дыхание.

Не в силах противиться самой себе, она подалась навстречу его ласке, и мужчина приподнял пальцами ее подбородок.

– Как вас зовут, юная леди? – тихо спросил маркиз.

Калли поморщилась, зная, что за этим последует.

– Кальпурния.

Она вновь закрыла глаза, в очередной раз смутившись своего экстравагантного имени, – имени, которое могла дать своему ребенку только экзальтированная мамаша, сходившая с ума от Шекспира.

– Кальпурния. – Он попробовал ее имя на язык. – Как жену Цезаря?

Калли покраснела еще больше и кивнула.

Маркиз улыбнулся:

– Смелое имя, ничего не скажешь.

– Ужасное имя.

– Чепуха. Кальпурния была императрицей Рима. Сильная, красивая, умная, гораздо умнее окружавших ее мужчин. Она видела будущее, выстояла перед обвинениями своего мужа. У тебя просто замечательная тезка.

С этими словами Ралстон ласково, но решительно приподнял ее подбородок.

Калли молчала, не зная, что ответить на его пылкую тираду, но он не ждал от нее ответа и потому продолжил:

– Мне пора уходить. А вы, леди Кальпурния, должны вернуться в бальный зал с высоко поднятой головой. Сможете?

Он еще раз легко вздернул ее подбородок и встал. Совершенно потрясенная, Калли тоже встала и кивнула, глядя на него сияющими глазами.

– Да, милорд.

– Вот и умница, – прошептал он, так низко склонившись над ней, что его дыхание шевелило волоски у нее на затылке и согревало в этот холодный апрельский вечер. – Помни: ты императрица. Держись как императрица, и окружающим придется видеть тебя такой. Я именно такой тебя и вижу. – Он помолчал, а Калли затаила дыхание, ожидая продолжения. – Ваше высочество.

С этими словами маркиз повернулся и моментально исчез в зеленом лабиринте, а Калли еще несколько секунд стояла с недоуменно-мечтательной улыбкой на губах. Потом, словно опомнившись, она последовала за маркизом – так ей хотелось быть рядом с ним. В этот момент она готова была пойти за ним куда угодно. Последовать за этим принцем, появившемся среди простолюдинов, который заметил ее – не ее приданое и не ее ужасное платье, а ее!

«Если я императрица, то он единственный мужчина, достойный быть моим императором».

Ей не пришлось долго разыскивать его. После очередного поворота лабиринт вывел ее к большому сверкающему фонтану, украшенному фигурками херувимов. Возле него, купаясь в серебряном свете луны, стоял ее принц. Увидев его, Калли едва не задохнулась от восторга. Его фигура, широкоплечая и длинноногая, настолько четко вырисовывалась на фоне темного сада, словно сам он был высечен из великолепного мрамора.

И тут она заметила женщину, которую Ралстон обнимал, закрывая своей широкой спиной. Калли беззвучно ахнула, быстро прикрыв рот ладошкой. Широко раскрыв глаза, она смотрела на то, что открылось ее взору. За все свои семнадцать лет она никогда не видела ничего столь... прекрасно грешного.

В полумраке светлые волосы его возлюбленной, освещенные лишь слабым лунным сиянием, казались совершенно белыми, а платье представлялось сотканным из тончайшей паутины. Калли отступила в тень, но продолжала осторожно выглядывать из-за изгороди, отчасти сожалея о том, что последовала за маркизом, и в то же время совершенно не в силах отвести взгляд от обнимающейся пары. Боже, как они целовались!

Томление, возникшее глубоко внизу живота, сменилось медленно разгорающейся ревностью. Впервые в жизни ей до дрожи захотелось быть рядом с этим мужчиной. На мгновение Калли представила себе, что это она сейчас тает в его объятиях; это она своими изящными пальцами перебирает темные блестящие пряди его волос; это ее тело гладят сильные мужские руки, и это ее стоны раздаются в ночном воздухе, когда он, целуя, слегка покусывает ее губы.

Затаив дыхание, Калли из своего укрытия смотрела на любовников, представляя, что это его рука касается ее тела, и чувствуя, как твердеет сосок под шелком платья.

– Ралстон...

Имя, произнесенное женщиной сквозь сдавленный стон, неожиданно громко разнеслось над лужайкой, вырвав Калли из грез. Очнувшись, она нервно отдернула руку от собственной груди и бросилась прочь от той сцены, невольной свидетельницей которой довелось стать. Она бежала по лабиринту, отчаянно желая выбросить из памяти все еще стоявшую перед глазами картину, и остановилась только тогда, когда вновь оказалась у мраморной скамьи, где началось ее ночное путешествие. Тяжело дыша, она опустилась на скамейку и постаралась успокоиться, мысленно ругая себя за столь неподобающее поведение. Леди не подслушивают. И уж точно не подглядывают, спрятавшись в кустах.

Кроме того, такие фантазии не доведут до добра.

Калли грустно вздохнула, безропотно приняв правду. Ей никогда не заполучить великолепного маркиза Ралстона или кого-то хотя бы похожего на него. Отчего-то она ощутила пронзительную уверенность в том, что все сказанное маркизом ранее было ложью неиспра-

вимого соблазнителя, которая помогла мужчине не только успокоить расстроенную девушку, но и устранить неожиданную помеху своему тайному свиданию с этой потрясающей красавицей. Он не верил в то, что говорил.

Нет, она не Кальпурния, императрица Рима. Она самая обычная Калли. И останется такой навсегда.

Глава 1

Англия, Лондон

Апрель 1823 года

Его разбудил короткий настойчивый стук. Сквозь сон он попытался определить источник разбудившего его шума, но в спальне снова воцарилась полная тишина.

Несколько секунд Гейбриел Сент-Джон, маркиз Ралстон, сквозь полуприкрытые веки лениво рассматривал ярко декорированную спальню, стены которой были украшены шелковыми гобеленами и вычурными позолоченными бордюрами.

Маркиз протянул руку и коснулся лежащей рядом роскошной женщины. Легкая улыбка заиграла на его губах, когда она прижалась к нему своим полным желанием обнаженным телом.

Он лежал, прикрыв глаза, кончиками пальцев лениво рисуя замысловатые узоры на обнаженном плече любовницы, в то время как изящная женская ручка призывно поглаживала его плоский живот.

Прикосновение женщины стало настойчивее, и он вознаградил ее низким рыком удовольствия.

И вновь раздался стук в тяжелую дубовую дверь – громкий и долгий.

– Какого черта!

Ралстон резко поднялся с постели, решительно настроенный нагнать страху на неожиданного визитера, осмелившегося разбудить его в такую рань. Набросив на плечи шелковый халат, он, громко чертыхаясь, распахнул дверь.

На пороге как ни в чем не бывало стоял его брат-близнец. Словно это было в порядке вещей – на рассвете заявиться к своему брату в дом его любовницы. Позади Николаса Сент-Джона суеился слуга и бессвязно лопотал:

– Милорд, я пытался остановить этого джентльмена...

От ледяного взгляда, брошенного Ралстоном, слова застряли в горле дворецкого.

– Оставь нас.

Ник, насмешливо приподняв бровь, посмотрел вслед поспешно удалявшемуся лакею.

– Я и забыл, насколько обаятелен ты бываешь по утрам, Гейбриел.

– Черт побери, что заставило тебя притащиться сюда в такую рань?

– Сначала я отправился в Ралстон-Хаус, – сказал Ник. – Тебя там не оказалось, и я подумал, что скорее всего застану тебя здесь.

Поверх плеча брата он, усмехнувшись, посмотрел на женщину, сидевшую в центре огромной кровати, и приветственно кивнул:

– Настасия. Прошу простить за вторжение.

Греческая красавица неторопливо потянулась, как изнеженная кошечка, позволив простыне, которой она прикрывалась, соскользнуть и открыть одну соблазнительную грудь. Дразнящая улыбка заиграла на губах женщины, и, выдержав короткую паузу, она произнесла:

– Лорд Николас, уверяю вас, вы не причинили ни малейшего неудобства. Возможно, вы захотите присоединиться к нам... – Она многозначительно помолчала. – За завтраком?

Ник усмехнулся:

– Соблазнительное предложение.

Прервав их обмен двусмысленными репликами, Ралстон проворчал:

– Ник, если тебе необходимо женское общество, уверен, мы найдем такое место, где ты не сможешь беспокоить меня во время отдыха.

Ник, прислонившись к дверному косяку, еще несколько секунд откровенно разглядывал Настасию, потом перевел взгляд на Ралстона.

– Так ты отдыхал, братец?

Гейбриел, неопределенно пожав плечами, подошел к умывальнику в углу комнаты и с фырканьем начал плескать холодную воду себе на лицо.

– В твоём распоряжении пара секунд, чтобы объяснить свое появление здесь, прежде чем мне надоеет твое общество, младший братец, и я вышвырну тебя отсюда.

– Занятно, что ты выбрал столь уместный оборот, – невозмутимо произнес Ник. – Мое появление в этом доме объясняется как раз фактом твоего старшинства.

Ралстон поднял голову и вопросительно посмотрел на брата, не обращая внимания на капли воды, стекавшие по его лицу.

– Понимаешь, Гейбриел, оказывается, у нас есть сестра.

– Сводная сестра.

Ралстон повторил эти слова ровным голосом, пристально глядя на своего поверенного, ожидая, когда этот человек в очках возьмет себя в руки и прояснит свое удивительное заявление. Маркиз в совершенстве владел тактикой устрашения, которой с успехом пользовался в игорных домах Лондона. Он был уверен, что с ее помощью быстро заставит этого маленького человечка говорить.

Он оказался прав.

– Я... дело в том, милорд...

Ралстон молча пересек кабинет и налил себе выпить.

– Вываливайте, любезный. Я не могу торчать тут целый день.

– Ваша матушка...

– Моя матушка, если это слово вообще применимо к тому безответственному созданию, которое выносило нас, сбежала на континент более двадцати пяти лет назад. – Он со скучающим видом покрутил в стакане янтарную жидкость. – С какой стати мы должны верить, что эта девица – наша сестра, а не какая-то шарлатанка, преследующая собственные цели?

– Ее отец был богатым венецианским купцом и оставил ей весь свой капитал. – Поверенный помолчал, поправил очки и осторожно взглянул на Ралстона. – Милорд, у него не было причин лгать дочери относительно ее рождения. Более того, похоже, что он предпочел бы вообще не ставить вас в известность о ее существовании.

– Так в чем же дело?

– У нее нет других родственников, хотя, по моим данным, некие друзья изъявили желание принять девушку в свою семью. Однако, как следует из документов, присланных в мою контору, такова воля вашей матушки. Она попросила, чтобы ее... – он замаялся, – вашу сестру отправили сюда в случае смерти... ее мужа... мужа вашей матушки. Ваша матушка была уверена, что вы... – он прочистил горло, – поступите в соответствии с семейным долгом.

Улыбка Ралстона не предвещала ничего хорошего.

– Какая ирония, что именно матушка рассчитывала на наше чувство семейного долга, вы не находите?

Поверенный не стал притворяться, что ему непонятна эта реплика.

– В самом деле, милорд. Но если позволите, девушка уже здесь, и она очень мила. Честно говоря, я плохо представляю, что еще следует предпринять.

Он не сказал ничего больше, но подтекст был совершенно ясен: «Я не уверен, что следует оставлять ее на вашем попечении».

– Конечно, она должна остаться здесь, – наконец вмешался в разговор Ник. Поверенный с благодарностью, а брат с раздражением обернулись к нему. – Мы возьмем ее к себе. Думаю, сейчас бедняжка все еще в состоянии шока.

– В самом деле, милорд, – с готовностью согласился поверенный, пытаясь поймать добродетельный взгляд Ника.

– Я не думаю, что ты можешь принимать подобные решения в этом доме, брат, – протянул Ралстон, не отводя взгляда от поверенного.

– Я просто хочу прекратить мучения Уингейта, – ответил Ник, кивнув в сторону юриста. – И потом, неужели ты сможешь отвернуться от своей кровной родственницы?

Ник, конечно же, был прав: Гейбриел Сент-Джон, седьмой маркиз Ралстон, не смог бы отвернуться от своей сестры, хотя в глубине души и испытывал такое желание. Он пригладил свои черные волосы, удивляясь, что все еще испытывает раздражение при мысли о матушке, которую не видел много лет.

Ее выдали замуж очень рано – едва исполнилось шестнадцать, – и через год она родила близнецов. Десять лет спустя она уехала, сбежала на континент, оставив сыновей и их безутешного отца. По отношению к любой другой женщине Гейбриел испытывал бы сочувствие, понял бы ее страх и простил бы бегство, но он стал свидетелем печали своего отца и испытал боль, вызванную потерей матери. Затем печаль уступила место гневу, и прошли годы, прежде чем Гейбриел смог говорить о ней без гневного комка в горле.

А теперь, когда он узнал, что его мать разрушила еще одну семью, старая рана вновь открылась. Тот факт, что она родила еще одного ребенка – к тому же девочку! – и опять оставила малышку без матери, привел его в ярость. Конечно, его матушка была права: он сделает то, чего от него требует семейный долг. Маркиз Ралстон сделает все, что в его силах, чтобы искупить родительские грехи. И возможно, это больше всего выводило его из себя – мать понимала его. Возможно, между ними существовала какая-то связь.

Он поставил стакан и снова уселся за широкий стол красного дерева.

– Где эта девушка, Уингейт?

– Полагаю, в зеленой комнате, милорд.

– Что ж, нужно пригласить гостью. – Ник подошел к двери и отдал приказание слуге.

Последовала несколько затянувшаяся пауза, наконец Уингейт встал и нервно одернул сюртук.

– Вы позволите, сэр?

Гейбриел бросил на него раздраженный взгляд.

– Она хорошая девушка. Очень милая.

– Да. Вы это уже говорили. В противовес вашему мнению обо мне, Уингейт, я не людоед, пожирающий молоденьких девушек. – Он помолчал, затем усмехнулся уголком рта. – По крайней мере тех девушек, с которыми я состою в родстве.

Приход сестры помешал Гейбриелу вдоволь насладиться возмущенным сопением поверенного. Дверь открылась, и он встал навстречу гостье и тут же удивленно вскинул брови.

– Боже правый! – Слова Ника вполне отразили мысли Гейбриела.

Девушка была их сестрой, это не вызывало никаких сомнений. Помимо глаз такого же голубого цвета, у нее, как и у близнецов, были резко очерченные скулы и темные вьющиеся волосы. Она выросла копией своей матери – те же горящие глаза, такая же высокая, гибкая и просто прелестная. Гейбриел чертыхнулся себе под нос.

Ник первым пришел в себя и низко поклонился.

– Очарован, мисс Джулиана. Я ваш брат Николас Сент-Джон. А это наш брат Гейбриел, маркиз Ралстон.

Она присела в изящном книксене, выпрямилась и, с любопытством поглядывая на братьев, проговорила:

– Меня зовут Джулиана Фиори. Признаюсь, я тоже не ожидала... – она помолчала, подыскивая подходящее слово, – *i gemelli*¹. – Ямочка на щеке Джулианы была в точности такой же, как и у Ника. – Да, это просто поразительно.

– Ну что ж. – Уингейт прочистил горло, обращая на себя внимание присутствующих. – В таком случае позвольте откланяться, если, конечно, милорды больше не нуждаются в моем присутствии.

Маленький человечек переминался с ноги на ногу: ему явно не терпелось покинуть кабинет.

– Можете идти, Уингейт, – холодно произнес Ралстон. – Вы нам больше не понадобятся.

Поверенный поклонился и быстро вышел, словно опасаясь, что маркиз передумает и ему вообще не удастся уйти. Как только он удалился, Ник поспешил успокоить Джулиану:

– Надеюсь, вы не позволите Гейбриелу ввести вас в заблуждение. Он не такой ужасный, как кажется. Иногда ему просто нравится играть роль хозяина дома.

– Полагаю, я и есть хозяин дома, Николас, – сухо заметил Ралстон.

Ник подмигнул сестре:

– На четыре минуты старше, но он не может удержаться, чтобы лишний раз не напомнить мне об этом.

Джулиана робко улыбнулась ему в ответ, потом обратила свой ясный взгляд на старшего брата.

– Милорд, я хотела бы вас покинуть.

Гейбриел кивнул:

– Я понимаю. Ваши вещи отнесут в одну из спален на втором этаже. Вас, должно быть, очень утомило путешествие.

– Нет. Вы не так меня поняли. Я хотела бы покинуть Англию. Вернуться в Венецию. – Ни Гейбриел, ни Ник не произнесли ни слова, и девушка продолжила, помогая себе жестами. Теперь ее акцент стал заметнее. – Уверяю вас, я совершенно не понимаю, почему мой отец настоял на моем приезде сюда. Дома у меня есть друзья, и они с радостью меня примут...

Гейбриел решительно прервал ее:

– Вы останетесь здесь.

– *Mi scusi*², милорд. Мне бы этого не хотелось.

– Боюсь, у вас нет выбора.

– Вы не можете удерживать меня здесь. Это не мой дом. Не с вами... не в... Англии.

Она выплевывала эти слова, словно они были отвратительны ей на вкус.

– Вы забываете, Джулиана, что вы наполовину англичанка, – улыбаясь, произнес Ник.

– Ничего подобного! Я итальянка!

Ее голубые глаза сверкнули.

– И об этом говорит твой темперамент, котенок, – протянул Гейбриел. – Но ты просто портрет нашей матушки.

Джулиана обвела взглядом стены.

– Портрет? Нашей матери? Где?

Ник хихикнул, очарованный ее непониманием.

– Нет. Здесь вы не найдете ее изображений. Гейбриел сказал, что вы похожи на нашу матушку. Просто точная ее копия.

¹ близнецы (*ит.*).

² Извините (*ит.*).

Джулиана резко взмахнула рукой.

– Никогда больше не говорите мне этого. Наша матушка была... – Она умолкла, и в комнате повисло тяжелое молчание.

Губы Ралстона изогнулись в кривой улыбке.

– Вижу, что все-таки существуют моменты, в которых мы вполне сходимся.

– Вы не можете заставить меня остаться.

– Боюсь, что могу. Я уже подписал бумаги. До замужества вы будете находиться под моей опекой.

Джулиана широко раскрыла глаза.

– Это невозможно. Мой отец просто не мог этого потребовать. Он знал, что я не собираюсь выходить замуж.

– Отчего же? – удивился Ник.

Джулиана развернулась к нему.

– Я думаю, вы должны это понять, как никто другой. Я не стану повторять грехи моей матери.

Гейбриел прищурился.

– Нет абсолютно никаких оснований считать, что вы повторите...

– Вы простите меня, если я скажу, что у меня нет желания рисковать, милорд. Но ведь мы можем договориться?

В этот момент Гейбриел принял решение.

– Вы не знали нашу матушку?

Джулиана стояла, гордо выпрямившись, и решительно, не отведя глаз, встретила взгляд Ралстона.

– Она покинула нас почти десять лет назад. Полагаю, с вами случилось то же самое?

Ралстон кивнул:

– Нам даже десяти не исполнилось.

– В таком случае, полагаю, никто из нас не испытывает к ней особой любви.

– В самом деле.

Они стояли так довольно долго, решая, насколько каждый из них искренен. Гейбриел первым нарушил молчание:

– Предлагаю вам сделку. – Джулиана мгновенно отрицательно качнула головой, но Ралстон поднял руку, не дав ей заговорить, и продолжил: – Это не подлежит обсуждению. Вы останетесь здесь на два месяца. Если по истечении этого срока вы все же предпочтете вернуться в Италию, я это устрою.

Джулиана вскинула голову, словно обдумывала не только предложение кузена, но и возможность побега. Наконец она согласно кивнула:

– Два месяца. Ни днем больше.

– Наверху вы можете выбрать спальню по своему вкусу, сестричка.

Джулиана низко поклонилась.

– Grazie³, милорд.

Она уже повернулась к выходу, когда Ник спросил, не в силах больше сдерживать свое любопытство.

– Сколько вам лет?

– Двадцать.

Ник коротко взглянул на брата и продолжил:

– Мы должны представить вас лондонскому обществу.

³ Спасибо (ит.).

– Полагаю, в этом нет никакой необходимости, поскольку я пробуду здесь всего восемь недель.

Она с явным нажимом произнесла последние слова.

– Мы обсудим это позже, когда вы устроитесь. – Коротким поклоном Ралстон дал понять, что разговор окончен, распахнул дверь кабинета и позвал дворецкого. – Дженкинс, пожалуйста, проводи мисс Джулиану наверх и пришли кого-нибудь помочь ее горничной распаковать вещи. – Он повернулся к Джулиане. – У вас ведь есть горничная, не так ли?

– Да, – ответила она, и на ее губах появилась улыбка. – Может, мне стоит напомнить вам, что это римляне принесли цивилизацию в вашу страну?

Ралстон поднял брови.

– А вы, оказывается, с характером.

Джулиана ангельски улыбнулась:

– Я согласилась остаться, милорд, но не обещала хранить молчание.

Маркиз вновь повернулся к Дженкинсу.

– С этого дня мисс Джулиана будет жить в нашем доме.

Джулиана покачала головой, смело встретив взгляд брата.

– Два месяца.

Ралстон кивнул и исправился:

– Она два месяца будет жить в нашем доме.

Дворецкий невозмутимо выслушал довольно странное распоряжение, произнес: «Да, милорд», – и повел Джулиану в ее комнату, попутно приказав лакеям, отнести сундуки Джулианы наверх.

Уверенный в том, что все его распоряжения будут должным образом выполнены, Ралстон закрыл дверь в кабинет и повернулся к Нику, который с ленивой усмешкой на губах стоял, прислонившись спиной к книжному шкафу.

– А ты молодец, братец, – произнес Ник. – Но если свет узнает, что тебе присуще столь гипертрофированное чувство семейного долга... твоя репутация падшего ангела будет уничтожена.

– Ты меня очень обяжешь, если замолчишь.

– В самом деле, это так трогательно – демон, поверженный ребенком.

Ралстон молча пересек комнату и сел за большой письменный стол.

– Разве тебя не дожидается статуя, которую необходимо почистить? Пожилая мраморная дама из Бата, которую срочно необходимо идентифицировать?

Ник сел в кресло и закинул ногу на ногу, демонстрируя сияющие гессенские сапоги и явно не собираясь заглатывать наживку.

– Вообще-то дожидается. Однако ей вместе с легионом моих поклонников придется подождать. Я предпочел бы провести этот день с тобой.

– Не стоит идти на такие жертвы ради меня.

Ник стал серьезным.

– И что же случится за эти два месяца? А если она все-таки решит уехать, а ты не сможешь ей этого позволить? – Ралстон не ответил, и Ник продолжал гнуть свою линию: – Ей пришлось нелегко. Ее бросила мать, когда она была еще совсем ребенком... а потом она потеряла и отца.

– Ее обстоятельства ничем не отличаются от наших. – Ралстон притворился, что тема разговора ему совершенно неинтересна, и сделал вид, будто внимательно просматривает корреспонденцию. – Должен тебе напомнить, что вместе с матерью мы потеряли и своего отца.

Ник не отвел взгляда.

– Мы были друг у друга, Гейбриел. У нее же нет никого. Нам с тобой лучше, чем кому-либо, известно, каково это – быть всеми покинутым, всеми, кого ты когда-либо любил.

В глазах брата Ралстон заметил грусть воспоминаний об их детстве. Близнецы вместе пережили бегство своей матери и отчаяние отца. Их детство не было радостным, но Ник говорил правду – они всегда держались вместе.

– Наблюдая за нашими родителями, я усвоил одну вещь: любви придается слишком большое значение. Ответственность – вот что действительно важно. Честь. И Джулиане лучше понять это в самом раннем возрасте. Теперь у нее есть мы. Возможно, она считает, что это не так много, но этого должно быть достаточно.

Братья замолчали, каждый погрузился в собственные мысли. Наконец Ник произнес:

– Трудно будет добиться, чтобы ее приняли в обществе.

Ралстон энергично выругался, признавая справедливость слов брата.

Дочери женщины, не получившей должным образом оформленного развода, вряд ли обрадуются в свете. И Джулиане придется приложить немало усилий, чтобы избавиться от тяжелого шлейфа испорченной репутации своей матери.

И вновь заговорил Ник:

– Законность ее рождения будет подвергнута сомнению.

Гейбриел на некоторое время задумался.

– Если наша матушка вышла замуж за ее отца, это означает, что маркиза по приезде в Италию перешла в католичество. Католическая церковь никогда не признала бы ее брака, если бы она оставалась в англиканской церкви.

– В таком случае незаконнорожденными оказываемся мы. – Ник криво улыбнулся.

– Для итальянцев, – уточнил Гейбриел. – К счастью, мы англичане.

– Превосходно. Для нас все складывается хорошо, – сказал Ник. – Но что же с Джулианой? Найдется немало семейств, которые откажутся принимать ее. Многие посчитают нашу сестру дочерью падшей маркизы и ее любовника – простого итальянского торговца. И к тому же католика.

– Начнем с того, что они и так бы не приняли Джулиану. Мы не можем изменить тот факт, что происхождение ее отца оставляет желать лучшего.

– Возможно, проще выдать ее за дальнюю родственницу и не упоминать о том, что Джулия наша сводная сестра.

Ралстон отрицательно мотнул головой:

– Абсолютно исключено. Она наша сестра. Именно так мы ее и представим, а уж потом будем разбираться с последствиями.

– С последствиями придется разбираться ей. – Ник твердо встретил взгляд брата; его слова тяжелым грузом повисли в воздухе. – Скоро самый разгар сезона. Если мы хотим добиться успеха, наше поведение должно быть безупречным. Ее репутация зависит от нашей.

Ралстон понял. Ему придется прекратить встречи с Настасией – оперной певичкой, известной своей неосмотрительностью.

– Я сегодня же поговорю с Настасией.

Ник согласно кивнул и добавил:

– Джулиану необходимо представить обществу, и это должен сделать человек с безупречной репутацией.

– Я и сам об этом подумал.

– Мы можем обратиться к тетушке Филлидии.

Голос Ника дрогнул при упоминании имени сестры отца. Вдовствующей герцогине была присуща манера высказывать весьма резкие замечания и давать безапелляционные наставления. Тем не менее пожилая дама являлась признанным столпом общества.

– Нет, – поспешно возразил Ралстон. Филлидия не справится с такой деликатной ситуацией – загадочная неизвестная сестра прибывает к дверям Ралстон-Хауса в разгар сезона. – Для этого не подойдет ни одна из наших родственниц.

– Тогда кто же?

Взгляды близнецов встретились. Задержались. В решимости они несколько не уступали друг другу, но слово маркиза было решающим.

– Я найду такого человека.

Глава 2

«И, разразившись слезами, она бросилась к нему, и обняла Одиссея, и поцеловала его в голову, и проговорила: «О, ты смог убедить мое сердце, каким бы нестигаемым оно ни было». И в его сердце пробудилось еще более сильное желание горестных стенаний; и он пролил слезы, держа в объятиях свою дорогую преданную жену».

Калли отложила чтение, откинувшись на спинку высокого мягкого стула, и глубоко вдохнула запах любимых книг, вообразив себя героиней именно этой истории – любящей женой, все двадцать лет разлуки своей любовью вдохновлявшей мужа на героические подвиги. Схватка с Циклопом, противостояние сиренам – Одиссей готов был одолеть все испытания ради одной-единственной цели – вновь оказаться рядом со своей Пенелопой.

Каково быть такой женщиной? Женщиной, чья несравненная красота была вознаграждена любовью величайшего героя своего времени. Каково это – открыть свое сердце такому мужчине? Впустить его в свою жизнь? В свою постель?

Калли хихикнула. Не дай Бог, кто-нибудь узнает, что леди Кальпурния Хартуэлл, вполне добропорядочная незамужняя девица, тешит себя совершенно неподходящими для леди тайными помыслами о вымышленных героях. Калли отдавала себе отчет, что ведет себя очень глупо, мечтая о героях своих любимых книг. Это, конечно же, дурная привычка, но она слишком давно у нее появилась.

Вот и сейчас воображение с готовностью нарисовало замечательную картину: она сидит за ткацким станком, а он, сильный и мужественный, замер в дверном проеме. Калли без труда представила его внешность – это был тот же самый образ, который в течение последних десяти лет вновь и вновь возникал в ее фантазиях.

Высокий, широкоплечий, с густыми темными волосами, пробуждавшими у женщин желание прикоснуться к ним, и ярко-голубыми глазами – цвета того моря, которое Одиссей бороздил в течение двадцати лет. Резко очерченные скулы, ямочка, появлявшаяся, когда он улыбался – той самой улыбкой, которая в равной степени обещала и грех, и наслаждение.

Да... все ее герои обладали внешностью единственного мужчины, о котором она когда-либо мечтала, – Гейбриела Сент-Джона, маркиза Ралстона. Можно было подумать, что после целых десяти лет, в течение которых она носила в душе этот образ, Калли могла бы отказаться от бесплодных мечтаний... но оказалось, что этот повеса настолько прочно укоренился в ее сердце, что теперь она была просто обречена провести остаток своей жизни, представляя себя Клеопатрой, а Гейбриела Ралстона – Антонием.

Калли громко рассмеялась, поймав себя на этом сравнении. Было абсолютным безумием считать, что только благодаря тому, что ее называли в честь императрицы, можно было сравнивать леди Кальпурнию Хартуэлл с Клеопатрой. Во-первых, мужчины никогда не склонялись перед красотой Калли, что легко заставляла их делать великая царица. У Клеопатры не было таких совершенно заурядных каштановых волос и карих глаз, как у Калли. Да и пухленькой царицу Египта никогда не называл ни один из современников. И Калли также не могла себе представить, чтобы Клеопатра в течение целого вечера скромно оставалась в уголке бального зала. Кроме того, царица Египта никогда не надела бы обычный кружевной чепец.

– Калли!

Девушка вздрогнула и выронила книгу: пронзительный возглас, раздавшийся за дверью библиотеки, застал ее врасплох. Калли смущенно кашлянула, прочищая горло, и постаралась успокоить сильно забившееся сердце. Мысленно она взмолилась, чтобы тот, кто нарушил ее уединение, как можно скорее ушел и позволил ей вновь погрузиться в свои мечты.

Однако эта мысль быстро сменилась печальным вздохом – Калли Хартуэлл была слишком хорошо воспитана, чтобы отказать даже незваному визитеру.

Дверь распахнулась, и в библиотеку влетела сестра Калли, энергичная и возбужденная. – Калли! Вот ты где! А я тебя повсюду ищу!

Едва бросив взгляд на живое доброе лицо сестры, Калли не смогла сдержать улыбки. В свои восемнадцать лет Марианна стала первой красавицей сезона – дебютанткой, которая, завоевав внимание всего общества, очень скоро получила прозвище Ангел Аллендейл.

Сейчас она, с удовольствием красуясь в тонком шифоновом платье желтого цвета, купалась в проникающем в библиотеку размытом солнечном свете. Великолепные каштановые локоны служили идеальным обрамлением для ее прелестной улыбки. Калли прекрасно понимала, почему лондонское общество обожает ее сестру. Марианну трудно было не любить, даже несмотря на то что ее совершенство порой несколько утомляло старшую и не столь совершенную сестру.

Лукаво улыбнувшись, Калли спросила:

– И зачем же я тебе понадобилась? Думаю, ты вполне могла бы без меня обойтись, Мари!

Прелестный румянец разлился по фарфоровой коже девушки – такой нежный и ровный, что Калли могла бы ему только позавидовать, если бы его вид не стал ей давно привычен.

– Калли! Я просто не могу в это поверить! Я весь день себя щиплю! – Марианна бегом пересекла комнату и рухнула в кожаное кресло, стоявшее напротив кресла сестры. В мечтательном изумлении она продолжила: – Он сделал мне предложение! Ты можешь этому поверить? Разве это не замечательно?

Под словом «он» подразумевался Джеймс Толботт, шестой герцог Ривингтон и самый завидный жених во всей Британии. Молодой, красивый, богатый и знатный, герцог лишь однажды увидел Марианну на балу, устроенном еще до открытия сезона, и совершенно потерял голову. Последовало головокружительное ухаживание, и этим утром герцог прибыл в Аллендейл-Хаус, чтобы просить руки возлюбленной. Калли едва скрывала свое удивление, видя, как искренне переживает Ривингтон; при всех его титулах и богатстве он, очевидно, действительно горел желанием получить согласие Марианны, и этот факт еще больше расположил к нему Калли.

– Я могу в это поверить, дорогая. – Она рассмеялась. – У него так горели глаза, когда он прибыл сюда... и сейчас я вижу такое же сияние в твоих глазах! – Марианна скромно потупила голову, а Калли продолжила: – Но ты должна мне рассказать! Каково это стать избранницей мужчины, который так сильно тебя любит? И к тому же герцога!

– О, Калли! – выдохнула Марианна. – Мне абсолютно безразличен титул Джеймса! Для меня важен сам Джеймс! Ну разве он не самый замечательный мужчина?

– И к тому же герцог!

Обе девушки обернулись в изумлении, услышав пронзительно высокий голос, который произнес эти слова с едва скрываемым возбуждением. Калли вздохнула, вспомнив, от кого сегодня утром ей пришлось прятаться.

Матушка.

– Калли! Не правда ли, великолепная новость?

Мельком подумав, что сегодня ей еще не раз придется отвечать на этот вопрос, Калли открыла рот, но, как оказалось, не очень быстро.

– Потрясающе! Ривингтон буквально без ума от нашей Марианны! Подумать только! Герцог! Влюблен в нашу Марианну! – Калли вновь попыталась вставить слово, но ее снова перебили: – Сколько предстоит хлопот! Свадебная церемония! Меню! Приглашения! А сва-

дебное платье! Приданое! О! Марианна! Калли! Нам необходимо будет хорошенько обдумать твой наряд!

«О нет». У вдовствующей герцогини Аллендейл было все или почти все, но вот хорошей модистке среди этого всего места не нашлось. Если Калли сейчас не отвлечет матушку от грандиозных свадебных планов, она будет обречена появиться на свадьбе своей сестры в украшенном перьями уродстве, которое будет венчать какой-нибудь такой же уродливый тюрбан.

– Думаю, матушка, прежде всего нам следует заняться самым главным на этот момент. Почему бы не организовать сегодня праздничный ужин?

Она помолчала, ожидая увидеть, клюнет ли ее матушка на эту наживку.

– Замечательная мысль! – Калли медленно выдохнула, хваля себя за находчивость. – Конечно, так и нужно сделать! Конечно, это будет исключительно семейный ужин, поскольку мы должны подождать с официальным объявлением до бала по поводу обручения. Но думаю, что праздничный ужин сегодня вечером – это как раз то, что нужно! Ох! Как много еще предстоит сделать! Я должна разослать приглашения и обсудить меню с поваром!

– О Боже! – с неподдельным ужасом произнесла Марианна. – Как ты думаешь, она долго будет пребывать в таком состоянии?

– Не могу сказать точно, но, думаю, по крайней мере до конца сезона.

– До конца сезона! И что, с этим ничего нельзя поделать?

– Есть один выход. – Для большего драматического эффекта Калли выдержала паузу. Марианна нетерпеливо поерзала.

– Ну и какой же?

– Как, по-твоему, Ривингтон отнесется к идее отправиться в Гретна-Грин?

Марианна страдальчески вздохнула, а Калли расхохоталась.

Сезон обещал быть чрезвычайно увлекательным.

* * *

Калли стояла в уголке гостиной, где после ужина и последовавших за трапезой ритуалов – курения сигар для мужчин и сплетен для женщин – воссоединилось все семейство, продолжавшее осыпать Марианну и герцога наилучшими пожеланиями. Калли обожала счастливые события, которые оставляли самые приятные воспоминания.

Однако сегодня вечером все было по-другому. Калли проклинала тот момент, когда предложила устроить праздничный ужин в тесном семейном кругу. Казалось, что сейчас над ней смеются даже предки, выстроившиеся на стенах гостиной чинной шеренгой портретов.

Когда к ней с сияющим видом направилась тетушка Беатрис, Калли подавила вздох и изобразила улыбку. Она совершенно точно знала, что последует дальше, и понимала, что это неизбежно.

– Разве это не чудесно? Такая счастливая пара! Такой прекрасный брак! Настоящее удовольствие видеть Марианну такой счастливой.

Пожилая тетушка положила морщинистую руку на руку Калли. Сейчас начнется, подумала та, стискивая зубы.

– Уверена: твоя матушка наконец счастлива – ведь она так мечтала заняться приготовлением к свадьбе! – От радостного кудахтанья пожилой дамы настроение Калли окончательно испортилось. – Ведь вы с Бенедиктом не смогли доставить ей такого удовольствия!

Калли выдавила смешок, который прозвучал слишком громко, и оглядела комнату в поисках хоть кого-нибудь, кто избавил бы ее от нескончаемого потока бестактных намеков, которые преподносились как искренняя забота членов семейства о ее судьбе. В течение трех часов, то есть с момента прибытия гостей на ужин, Калли пришлось с незна-

чительными вариациями выдержать подобный разговор с двенадцатью разными людьми. Особенно трудно ей пришлось непосредственно во время ужина, когда она оказалась втиснутой между бабушкой Ривингтона, весьма самоуверенной особой, и удивительно бестактным кузенком, – оба они, казалось, полагали, что незамужнее положение Калли вполне вписывается в рамки приличного разговора. Ей начало казаться, что нет ни одного человека в семействах Ривингтон и Аллендейл, обладающего хотя бы минимальным чувством такта. Трудно было поверить, что все эти бесчисленные родственники действительно не понимают, насколько обидно слышать постоянные напоминания о том, что она превратилась в замшелую старую деву, основательно задвинутую в тень лондонского общества. Это было невыносимо.

Не видя спасения, Калли остановила лакея, разносившего шерри, и, подхватив с подноса рюмку с рубиновым напитком, повернулась к тетушке:

– Могу я предложить вам рюмочку шерри, тетушка Беатрис?

– Бог мой, нет! Я терпеть этого не могу, – произнесла пожилая женщина с ноткой негодования в голосе. – Ты же понимаешь, Кальпурния, если леди дорожит своей репутацией, ей не стоит пить в обществе столь крепкое вино.

– Да, но мне кажется, что сегодня вечером мне нет необходимости беспокоиться об этом, вы согласны?

– Полагаю, твоей репутации ничто не угрожает, Кальпурния. – Тетушка Беатрис похлопала племянницу по руке с неосознанно снисходительным видом. – Это ведь настоящая драма, не так ли? Этого никто не мог предвидеть. Ну кто бы мог подумать, что с твоим-то приданым ты не сможешь выйти замуж!

Калли едва не вспыхнула, услышав столь прозрачный намек на то, что лишь благодаря приданому у нее был шанс на замужество, но, прежде чем она успела придумать в ответ какую-нибудь колкость, тетушка Беатрис продолжила:

– К сожалению, теперь, когда тебе уже столько лет, думаю, придется оставить всякую надежду. Я с трудом могу себе вообразить, что кто-то сделает тебе предложение. Разве что какой-нибудь пожилой джентльмен, который подумывает о том, чтобы покинуть этот бренный мир, и нуждается в компаньоне. Такое еще возможно.

В голове Калли мелькнула картинка, эдакая радующая душу фантазия – тетушка Беатрис, глупо разинув рот, осматривает свое пышное платье, залитое сладким красным вином. Едва заметно тряхнув головой, Калли отбросила проказливую мысль, аккуратно поставила рюмку и вновь сосредоточила внимание на тетушке, которая все еще продолжала рассуждать по поводу незамужнего положения племянницы.

– Конечно, еще нужно учесть, что твоя внешность... хм... оставляет желать лучшего. К сожалению, времена Рубенса прошли.

От возмущения Калли лишилась дара речи. Она, наверное, ослышалась: отвратительная старуха просто не могла этого сказать.

– Ты не думала о диете? Вареные яйца и капуста... Я слышала, они творят чудеса. Может, это сделает тебя менее... более! – Дама дробно захихикала, не замечая собственной бестактности. – И вот тогда-то, возможно, нам удастся найти тебе мужа!

Пришла пора сбегать отсюда, иначе она не выдержит и либо наговорит кому-нибудь из своих родственников дерзостей, либо просто лишится рассудка, пытаясь сдерживать рвущийся наружу гнев. Избегая встречаться с теткой взглядом – она не могла гарантировать, что не выскажется в адрес злобной старухи, – Калли поторопилась распрощаться.

– Прошу прощения, тетушка: думаю, мне следует наведаться на кухню.

Ее несколько не беспокоило, что ужин давно закончился, – Калли просто не могла оставаться среди гостей.

Едва сдерживая слезы, она укрылась в кабинете своего брата – там ее не потревожит случайно забредший гость. Лунный свет, льющийся сквозь огромные, во всю стену, окна, позволял девушке свободно ориентироваться. Она достала в буфете бокал и бутылку шерри, потом подошла к большому креслу в дальнем углу комнаты, служившей своего рода убежищем для мужчин семейства Аллендейл.

«Сегодня вечером это будет дамское убежище», – подумала девушка, делая глубокий вдох и наливая шерри. Она поставила тяжелый хрустальный графин на пол и устроилась поудобнее.

– О чем вздыхаешь, сестрица?

Калли вздрогнула и повернулась в сторону внушительного стола красного дерева в другом конце комнаты. Разглядев в полумраке фигуру за столом, она широко улыбнулась:

– Ты меня напугал.

– Пожалуй, обойдусь без извинений. Это ты забралась в мою берлогу. – Бенедикт Хартуэлл, граф Аллендейл, поднялся, пересек комнату и сел в кресло напротив сестры. – Надеюсь, у тебя есть веская причина прятаться, или я отошлю тебя обратно.

– Да? Интересно будет посмотреть, как тебе это удастся, – ты ведь не сможешь обнаружить мое исчезновение, не привлекая внимания к собственному, – поддразнила она.

– Абсолютно верно. – Бенедикт сверкнул белоснежными зубами. – В таком случае можешь остаться.

– Спасибо. – Она подняла свой бокал с шерри. – Ты очень добр.

Бенедикт налил себе виски и лениво крутил бокал в руках, а Калли залпом осушила свой и, закрыв глаза, замерла в кресле, наслаждаясь дружеским молчанием. Через несколько минут брат произнес:

– И что же заставило тебя бежать с такого большого семейного праздника?

Калли не открыла глаза.

– Тетя Беатрис.

– Что на этот раз выкинула старушенция?

Калли вздохнула и вновь наполнила свой бокал.

– Она лишь еще раз повторила то, что я уже слышала от представителей обоих семейств, собравшихся на ужин, – просто она сделала это со свойственной бестактностью.

– Ага. Замужество.

– На самом деле она сказала... – Калли помолчала и глубоко вздохнула. – Нет, я не доставлю ей удовольствия и не стану повторять ее слова.

– Могу себе представить.

– Нет, Бенни, не можешь. – Она сделала глоток. – Клянусь, знай я раньше, каково это – остаться незамужней, согласилась бы выйти за первого, кто сделал мне предложение.

– Первым тебе сделал предложение болван-викарий.

– Не следует плохо отзываться о представителях духовенства.

Бенедикт фыркнул и сделал большой глоток шерри.

– Хорошо. Я вышла бы замуж за второго. Джеффри был вполне привлекателен.

– Если бы ты его не отвергла, Калли, отец бы воспрепятствовал этому браку. Джеффри уже тогда слыл неисправимым игроком и отъявленным пьяницей. Он так и пропал в одном из игровых притонов.

– Да, но тогда сейчас я была бы вдовой, а вдов никому не позволено обижать.

– Ну, не уверен, что соглашусь с тобой, но если ты настаиваешь... – Бенедикт помолчал. – Ты действительно жалеешь, что не вышла за одного из них?

Калли вновь сделала глоток, задержав сладкое вино на языке и обдумывая его вопрос.

– Нет, – сказала она наконец. – Мне не хотелось бы стать рабыней какого-нибудь ужасного человека, который женился бы на мне только ради денег, или земли, или возможности породниться с графами Аллендейл, но не возражала бы против брака по любви.

Бенедикт хихикнул.

– Брак по любви – это совсем другое дело. Но они так редко свершаются.

– Не часто, – согласилась она, и оба замолчали. После некоторого размышления Калли сказала: – Нет... чего мне на самом деле хотелось бы, так это быть женщиной.

– Не понял?

– Действительно хотелось бы! Например, если бы я сказала, что тебе придется следующие три месяца выслушивать ехидные соболезнования в связи со свадьбой Мари, что бы ты мне ответил?

– Я бы ответил: «Пропади оно пропадом!» – и все бы закончилось, не успев начаться.

Калли указала бокалом в его сторону.

– Вот именно! Потому что ты мужчина!

– Мужчина, которому удалось избежать присутствия на многих событиях, не давая, таким образом, возможности всяким сплетникам критически высказаться по поводу моего холостяцкого положения.

– Бенедикт, – произнесла Калли, поднимая голову, – единственная причина, по которой тебе удалось избежать всего этого, – это то, что ты мужчина. Я, к сожалению, не могу играть по этим же правилам.

– Да почему же?

– Потому что я женщина. Я просто не могу без конца уклоняться от балов и званых ужинов, чаепитий и примерок. О Боже! Эти примерки! Мне опять придется терпеть все эти фальшивые сочувственные взгляды. О Боже.

Калли прикрыла глаза, представив эту картину.

– Я все же не вижу причины, по которой ты не можешь просто не ездить на все эти ужасные мероприятия. Ладно, ты должна присутствовать на балу, где будет объявлено об их помолвке. Ты должна быть на свадьбе. Но откажись от всего остального.

– Да не могу я!

– И я снова спрошу: почему?

– Приличным женщинам так же не пристало уклоняться от светских мероприятий, как и заводить любовников. Я должна заботиться о своей репутации.

Теперь настал его черед фыркнуть.

– Какая чушь, Кальпурния. Тебе ведь уже двадцать восемь.

– Это не по-джентльменски – упоминать о моем возрасте. И ты знаешь: я терпеть не могу, когда меня называют Кальпурнией.

– Переживешь. Тебе двадцать восемь лет, ты не замужем, и у тебя по сравнению с другими, пожалуй, самая образцовая репутация в свете. Ради Бога, ну скажи мне, когда в последний раз ты выезжала куда-нибудь без своего кружевного чепца?

Калли бросила на него сердитый взгляд.

– Моя репутация – это все, что у меня есть. Именно это я и пытаюсь тебе втолковать, Бенедикт.

Она протянула руку, чтобы налить себе еще шерри.

– Действительно, ты права. Это все, что у тебя есть сейчас. Но ты могла бы иметь больше. Почему бы просто не протянуть руку и не взять то, что хочется?

– Уж не предлагаешь ли ты мне запятнать доброе имя Аллендейлов? – не веря своим ушам, спросила Калли. Она так и замерла с графином в одной руке, а тонким бокалом – в другой. Бенедикт, не удержавшись, усмехнулся, глядя на эту живописную картину. Калли

поставила графин. – Ты ведь понимаешь, что, если я совершу нечто подобное, граф Аллендейл, по всей вероятности, испытает на себе возможные последствия этого поступка.

– Я не предлагаю тебе завести любовника, Калли. И очень надеюсь, что ты не окажешься замешанной в каком-нибудь скандале. Я просто хочу тебя убедить, что ты не должна стремиться соответствовать чересчур высоким стандартам и слишком беспокоиться о своей репутации, – на ней и так нет ни одного пятнышка. Уверяю: если ты уклонишься от посещения утомительных мероприятий, связанных со свадьбой, это никак не скажется на твоей репутации.

– Тогда почему бы мне не попробовать пить виски и курить сигары?

– А почему бы и нет?

– Ты шутишь!

– Калли, я уверен, что этот дом не рухнет, если ты позволишь себе выпить. Хотя не уверен, что это придется тебе по вкусу. – Он помолчал несколько минут, затем спросил: – Что еще тебе хотелось бы сделать?

Она тщательно обдумывала ответ на этот вопрос. Что бы она сделала, если бы это не повлекло никаких последствий?

– Я не знаю. Я никогда не позволяла себе задумываться над подобными вещами.

– Ну так позволь сейчас. Что бы ты сделала?

– Все, что только возможно. – Ответ вырвался слишком быстро, но когда слова уже были произнесены, Калли поняла, что в них есть доля правды. – Я не хочу считаться безупречной. Ты прав. Двадцать восемь лет безукоризненного поведения – это слишком много.

Она рассмеялась, услышав собственные слова.

Бенедикт тоже засмеялся.

– Ну так что? Что бы ты сделала?

– Я бы выбросила свой кружевной чепец.

– Это естественно. – Бенедикт слегка усмехнулся. – Ну давай, Кальпурния. Ты можешь быть гораздо более изобретательной. Выбери три вещи, которые сможешь делать у себя дома. Без всяких последствий.

Калли улыбнулась и, втягиваясь в игру, удобнее устроилась в своем кресле.

– Я научилась бы фехтовать.

– Принимается, – ободрил он сестру. – Что еще?

– Я постаралась бы побывать на дуэли!

– Уж если идти, то до конца. Может, попробуешь использовать новообретенные навыки, – небрежно заметил Бенедикт.

Калли наморщила носик.

– Не думаю, что хотела бы причинить кому-то вред.

– Ага, – произнес он, теперь уже совершенно серьезно, – итак, мы очертили границы, которые ты не хотела бы переступать.

– Похоже, одну из них. Но, думаю, мне бы понравилось стрелять из пистолета. Просто, не в человека.

– Многие действительно находят в этом удовольствие, – признал брат. – Что еще?

Она подняла глаза к потолку, раздумывая.

– Научиться ездить верхом по-мужски.

– В самом деле?

Она кивнула:

– Правда. Дамское седло – это как-то слишком по-женски.

Он рассмеялся ее пренебрежению.

– Я бы... – Калли внезапно умолкла, когда у нее в голове промелькнула другая мысль. Поцеловать кого-нибудь. Но она, конечно же, не могла сказать об этом своему брату. – Я бы

делала все то, что для мужчин является само собой разумеющимся. Более того, – произнесла она, – я бы играла! В мужском клубе!

– О нет! И как бы тебе это удалось?

На мгновение она задумалась.

– Полагаю, мне пришлось бы переодеться мужчиной.

Бенедикт с улыбкой покачал головой.

– А, матушкино увлечение Шекспиром в конце концов сказалось и на нас. – Калли хихикнула, а брат продолжил: – Думаю, здесь я бы подвел итог. Графы Аллендейл могли бы потерять привилегии в «Уайтсе», если бы ты предприняла столь кощунственную попытку.

– К счастью для тебя, я не собираюсь проникать в этот клуб. Равно как и делать все остальное.

Не прозвучало ли разочарование в ее голосе?

Вновь воцарилось молчание, брат и сестра погрузились в свои мысли, потом Бенедикт медленно поднес бокал к губам, собираясь допить виски, но, не донеся его до рта, задержал руку и чуть приподнял бокал, глядя на Калли. Секунду она смотрела на янтарную жидкость, понимая, что предложение Бенедикта означает гораздо большее, чем капля виски на дне его стакана.

Наконец она покачала головой, и момент был упущен. Бенедикт осушил бокал и заговорил вновь.

– Мне жаль, сестренка, – произнес он, поднимаясь со стула. – Я рад был бы услышать, что ты решилась на пару подобных шагов.

Эта реплика, хотя и была произнесена небрежным тоном, больно отдалась в ушах Калли. Брат поднялся, собираясь уходить, но, остановившись у двери, обернулся:

– Ты думаешь, я останусь в безопасности, если покину эту комнату? Или лучше отсидеться здесь до самой свадьбы?

Она рассеянно покачала головой и ответила:

– Думаю, ты в безопасности. Отправляйся спокойно.

– Ты идешь со мной?

– Нет, спасибо. Я, пожалуй, останусь здесь и помечтаю о жизни, полной приключений. Бенедикт улыбнулся сестре.

– Замечательно. Дай мне знать, если надумаешь завтра отплыть на Восток.

Калли ответила ему улыбкой.

– Ты узнаешь об этом первым.

Бенедикт вышел, оставив сестру погруженной в собственные мысли.

Так она сидела довольно долго, прислушиваясь к тому, как уезжают гости, как слуги убирают столовую, где проходил ужин, как семейство удаляется ко сну и постепенно затихает дом. Все это время Калли вновь и вновь прокручивала в голове последние минуты разговора с Бенедиктом. А что, если?.. Что, если она осмелится прожить другую жизнь, а не ту до скуки положительную пародию, которую проживает сейчас? Что, если она сделает все то, о чем они говорили с братом? Что удерживает ее от этого решительного шага?

Ей двадцать восемь лет, никто особенно о ней и не думает. В течение многих лет – всех тех лет, когда так важно было сохранить незапятнанное имя, – ее репутация была безупречной. Нет, в любом случае она не собирается заходить слишком далеко и рисковать добрым именем своей семьи. Она не собирается делать ничего такого, чего не мог бы позволить себе любой достойный представитель общества. Если это могут мужчины, почему она не может себе этого позволить?

Калли подняла руки и вынула шпильки, поддерживавшие ее кружевной чепец. Избавившись от них, она стянула чепец с головы, при этом высвободив несколько длинных локонов, подержала его в руках, повертела, рассматривая со всех сторон и обдумывая свой сле-

дующий шаг. Когда она превратилась в женщину, которая носит кружевной чепец? Когда простилась с надеждой на внимание к себе и успех? Когда стала тем человеком, которого заставляет прятаться даже бесцеремонность собственной тетки?

Калли встала, не слишком твердо держась на ногах, и медленно подошла к камину, сминая чепчик в руках. Разговор с Бенедиктом и изрядная порция отличного шерри превратились в головокружительную смесь, которая, казалось, разбудила ранее дремавшие в Калли силы. Она не отрываясь смотрела на тлеющие угли: легкие оранжево-красные сполохи завораживали.

Не медля, она бросила кружевной чепец в камин. Некоторое время ничего не происходило: комок ткани просто лежал в камине, и его девственная белизна резко контрастировала с горячим почерневшим деревом. Калли уже хотела было вытащить наверняка безнадежно испорченный головной убор, как его охватили яркие языки пламени.

Она охнула и машинально отшатнулась, не отводя глаз от горящего кружева. Затем неожиданно для самой себя залилась нервным смехом. Она ощущала себя одновременно ужасно и восхитительно – словно теперь могла делать все, о чем когда-либо мечтала.

Развернувшись, Калли решительно пересекла комнату и подошла к столу графа. Она зажгла свечу, открыла верхний ящик и достала чистый лист бумаги. Некоторое время она смотрела на белое нетронутое пространство листа, потом упрямо мотнула головой и, открыв серебряную чернильницу, стоявшую рядом, потянулась за пером.

Окунув тщательно заостренный кончик в чернила, Калли задумалась, а затем написала твердым уверенным почерком: «Поцеловать кого-нибудь».

Написанного ей показалось недостаточно. Слегка прикусив нижнюю губу, она быстрым росчерком добавила одно слово: «Поцеловать кого-нибудь – страстно».

Следующие пункты дались ей легко, поскольку они явились прямым следствием ее разговора с Бенедиктом.

«Куриль сигары и пить виски.

Ездить верхом в мужском седле.

Фехтовать.

Присутствовать на дуэли.

Стрелять из пистолета.

Играть в карты (в мужском клубе)».

Она уже собралась было ограничиться теми семью пунктами, которые так быстро пришли ей на ум. Несмотря на то что список возник в результате внезапного полета фантазии, Калли знала, что он отражает нечто большее. Это был шанс наконец быть честной с самой собой. Записать то, что ей так отчаянно хотелось испытать. То, в чем она не признавалась никому – даже себе. Тяжело вздохнув, она еще раз пробежала глазами список, понимая, что следующий пункт записать ей будет особенно трудно.

«Танцевать на балу каждый танец».

Она обожала танцевать. Всегда любила. Еще будучи ребенком, она имела обыкновение тайком сбегать из своей спальни и наблюдать за балами, которые давали ее родители. Там, высоко над бальным залом, она кружилась и кружилась под музыку, воображая, что на ней не ночная рубашка, а красивое шелковое платье, такое же, как на дамах, которые кружились в танце внизу. Именно танцев так ждала Калли, когда пришло время ее первого сезона. Однако по мере того как она становилась старше, приглашения следовали все реже и реже. Теперь она уже и не помнила, когда танцевала в последний раз.

Здесь, в темноте кабинета графа Аллендейла, Калли наконец призналась себе, что все эти балы, которые она провела, развлекаясь разговорами с пожилыми матронами, имели для нее самые негативные последствия. Отвратительно было чувствовать себя девушкой без кавалера, но ей так и не удалось изменить эту ситуацию. За десять лет, что прошли с момента

ее дебюта, она настолько привыкла к положению сторонней наблюдательницы, что уже и не представляла, как себя чувствовала бы, оказавшись вдруг в центре внимания. Впрочем, ей это не грозит: она никогда не станет предметом восхищенных взглядов. Сморгнув слезы, она нацарапала на листке следующий пункт: «Войти в число признанных красавиц. Хотя бы однажды».

Это был самый невероятный пункт во всем списке... Калли могла припомнить лишь один мимолетный момент в своей жизни, когда ей почти удалось достичь этой цели. Но размышляя о том давнем вечере, когда маркиз Ралстон позволил ей почувствовать себя красивой, Калли убедила себя, что таковой он ее не считал. Просто повел себя как мужчина, который сделал все, что мог, чтобы утешить молоденькую девушку, которая готова была разрыдаться, спрятавшись в зарослях зеленого лабиринта. Но в тот момент он буквально заставил Калли почувствовать себя красавицей. Почти императрицей. Теперь ей вновь хотелось испытать те ощущения, хотелось вновь почувствовать себя Кальпурнией.

Впрочем, это, конечно же, было невозможно. Совершенно глупая попытка.

Вздохнув, Калли встала из-за стола, аккуратно сложила листок и засунула за корсаж платья, потом, задув свечу, подошла к двери, и уже собиралась выйти в коридор и подняться наверх, когда услышала снаружи шорох – тихий и непонятный.

Осторожно приоткрыв дверь – на маленькую щелочку, – Калли, щурясь, взглядела в полутемный холл. Через приоткрытую дверь можно было расслышать тихий смех.

– Ты так красива сегодня. Совершенна. Настоящий Ангел Аллендейл.

– Ты и должен это говорить... чтобы польстить своей невесте.

– Моей невесте. – Благоговение, с которым произносились эти слова, казалось почти ощутимым. – Моя будущая герцогиня... моя любовь...

Калли поняла, что в полутемном холле задержались Марианна и Ривингтон, и на мгновение замерла. Что же ей теперь делать? Может, тихо закрыть дверь и дожидаться, когда они уйдут? Или сделать вид, что случайно наткнулась на них, и положить конец тому, что определено было любовным свиданием?

Ее мысли прервал краткий взглас.

– Нет! Нет! Нас могут застать!

– И что тогда? – приглушенно засмеялся мужчина.

– Полагаю, в этом случае вам придется жениться на мне, ваша светлость.

У Калли от удивления едва не отвисла челюсть: в голосе сестры слышалась неприкрытая чувственность. Когда же в ее маленькой сестренке вдруг проснулась женщина?

Ривингтон застонал в темноте.

– Что угодно, лишь бы ты побыстрее оказалась в моей постели.

Теперь уже засмеялась Марианна. А потом воцарилось молчание, прерываемое лишь нежными звуками поцелуев и шуршанием шелка.

Калли открыла рот от изумления. Да, ей определенно следует закрыть дверь.

Так почему же она этого не делает?

Потому что это несправедливо.

Как долго она еще сможет удовлетворенно стоять в сторонке, в то время как младшая сестренка будет жить той жизнью, которой так жаждала Калли? Марианна выйдет замуж, родит детей, будет заниматься домом и стареть в объятиях любящего мужчины, а Калли так и останется старой девой и всю жизнь проведет здесь, в Аллендейл-Хаусе.

Пока Бенедикт не найдет себе жену. Тогда ей придется отправиться в деревню. Одной.

Калли сдержала слезы, подавив жалость к себе и зависть счастью Марианны. Она постаралась осторожно прикрыть дверь кабинета, чтобы не мешать любовникам, но, прежде чем успела это сделать, Марианна, задыхаясь, произнесла:

– Нет, Рив. Мы не можем. Моя матушка высечет нас обоих кнутом, если мы лишим ее возможности пышно отметить нашу свадьбу.

Ривингтон тихо простонал.

– У нее ведь есть еще двое детей.

– Да, но... – Последовала пауза, и Калли, даже не видя лица сестры, могла догадаться, о чем она думает: шансов мало, что кто-то из них даст ей возможность устроить еще одну свадьбу.

– Бенедикт женится. – В голосе Ривингтона прозвучала веселая нотка. – Он просто тянет до последнего.

– Я переживаю не из-за Бенедикта.

– Мари, мы это уже обсуждали. Ей всегда будут рады в Фокс-Хейвене.

От возмущения Калли едва не выдала себя, ведь Ривингтон говорил о своем родовом поместье. Без сомнения, они говорят о ней. Как они смеют обсуждать ее судьбу? Словно она сирота, о будущем которой необходимо позаботиться. Словно она незамужняя девица, у которой нет никаких шансов.

Но ведь так оно и есть.

Калли прикусила губу.

– Из нее получится замечательная тетушка, – добавил Ривингтон.

«Великолепно. Он уже передает будущих наследников на попечение незамужней тетки».

– Из нее могла бы получиться замечательная мать, – сказала Марианна, и эти слова, произнесенные прочувственным тоном, вызвали слабую улыбку на лице Калли. Она попыталась не обращать внимания на прошедшее время в этой реплике, а Марианна добавила: – Как бы мне хотелось, чтобы у нее было то, что есть у нас. Она этого заслуживает, как никто другой.

Ривингтон вздохнул:

– Заслуживает. Но боюсь, что только сама Калли может изменить собственную жизнь. Если она останется такой... – он замолчал, подыскивая слово, и Калли вся обратилась в слух, боясь даже дышать, чтобы не пропустить ни звука, – пассивной, у нее никогда не будет ничего подобного.

Пассивной?

Калли представила, как Марианна согласно кивает.

– Калли необходимо приключение. Впрочем, она никогда на него не решится.

Последовала довольно долгая пауза; в словах сестры и ее жениха не было никакого злорадства, но все же они болезненным эхом отозвались в сердце Калли. И вновь непрошеные слезы повисли на ее ресницах.

– Возможно, ты и сама не возражала бы против небольшого приключения, моя красавица. – В голос Ривингтона вновь вернулась открытая чувственность, на которую Марианна ответила довольным хихиканьем.

Этого Калли уже не могла вынести и бесшумно прикрыла дверь, заглушая шепот счастливой парочки.

О Боже! Если бы так же просто она могла забыть то, что сказал герцог!

«Пассивной». Какое ужасное слово! Какое ужасное чувство! Пассивная, заурядная, несмелая, обреченная на скучное, инертное, лишенное всякого интереса прозябание. Калли глотала слезы, прислонившись лбом к прохладной дубовой двери.

Она не хотела становиться такой женщиной, о которой они говорили. Она никогда и не собиралась становиться такой, однако отчего-то получилось именно так... В какой-то момент она, даже не осознав этого, сбилась с пути и неожиданно для самой себя выбрала эту

спокойную и скучную жизнь, совершенно забыв о том, что жизнь Кальпурнии Аллендейл может быть совсем другой.

И вот теперь ее младшая сестра готова погубить свою репутацию, а Калли даже ни разу не целовали.

Этого более чем достаточно, чтобы заставить старую деву напиться.

Нет, она уже достаточно выпила сегодня.

Этого более чем достаточно, чтобы заставить старую деву действовать.

Сейчас. Сегодня ночью.

Калли пригладила непослушный локон и тут же вспомнила, что на ней больше нет кружевного чепца.

Сегодня ночью. Она начнет с самого трудного пункта. С пункта, который станет началом этого нового, смелого, неведомого Калли пути.

Она снова глубоко вздохнула, распахнула дверь кабинета и шагнула в полутемный холл Аллендейл-Хауса, не заботясь больше об уединении Марианны и Ривингтона. Она даже не заметила, что молодые люди уже ушли.

В любом случае у нее нет на них времени, думала Калли, торопливо поднимаясь по широким мраморным ступеням в свою спальню. Она должна переодеться.

Глава 3

Калли смотрела вслед отъезжавшему наемному кебу, совершенно не представляя, что делать дальше.

Цоканье подков затихло вдали, и на темной улице воцарилась такая тишина, что девушка услышала громкий стук собственного сердца. Кровь прилила к голове, и Калли судорожно вздохнула. Нужно было начать с виски. И определенно не стоило пить так много шерри.

Если бы она проявила приличествующую леди умеренность, то уж точно не стояла бы одна ночью перед домом одного из самых известных повес Лондона.

Господи! О чем она только думала?

Несколько секунд Калли размышляла, не повернуть ли обратно, но вслед за этой мыслью пришло понимание того, что ее репутация будет основательно подпорчена, если о ее побеге станет известно.

– Бенедикт ответит за это своей головой, – пробормотала она себе под нос, ниже опуская капюшон плаща на лицо. – И Марианна тоже.

Конечно, ни Бенедикт, ни Марианна не заставляли ее садиться в наемный экипаж и подвергать немалой опасности не только свое доброе имя, но и саму жизнь. Она сама приняла это решение.

Глубоко вздохнув, она признала правду: Кальпурния Аллендейл поставила себя в исключительно затруднительное положение, и ее репутация в любую минуту может быть окончательно и бесповоротно погублена. Единственный шанс выбраться из этой ситуации без потерь – это оказаться в Ралстон-Хаусе. Она поморщилась от такой мысли.

Ей придется войти в дом. Нельзя провести остаток ночи на улице. Нужно войти и попросить дворецкого найти кеб или предоставить ей экипаж хозяина. Если все пройдет гладко, то через час она окажется в своей постели. Он, несомненно, обязан ей помочь. Ведь она же, в конце концов, леди.

А что, если дверь откроет Ралстон?

Калли решительно отвергла эту мысль. Во-первых, маркиз вряд ли сам пойдет открывать дверь незваному гостю, а во-вторых, вероятность, что в этот час маркиз окажется дома, ничтожна: скорее всего он у какой-нибудь своей очередной возлюбленной. В голове у нее промелькнуло видение десятилетней давности: высокий мужчина обнимает потрясающе красивую женщину.

Да. Она совершила ужасную ошибку. Необходимо ретироваться как можно скорее.

Калли распрямила плечи и подошла к внушительной двери Ралстон-Хауса. Она едва опустила ручку дверного молотка, как большая дубовая дверь распахнулась и показался пожилой слуга, который, похоже, совсем не удивился, увидев молодую женщину, стоявшую на пороге. Сделав шаг в сторону, он позволил гостье войти и закрыл дверь. Калли быстро окинула взглядом теплый уютный холл старинного лондонского особняка, служившего домом нескольким поколениям маркизов Ралстонов.

Она машинально начала стягивать капюшон плаща, но тут же сообразила, что все получится гораздо проще, если ее не узнают. Опустив руку, она повернулась к слуге:

– Благодарю вас.

– Прошу, миледи. – Дворецкий коротко, но уважительно поклонился и медленно двинулся к широкой лестнице, ведущей на верхние этажи здания. – Не угодно ли следовать за мной?

«Следовать куда?» Калли быстро оправилась от изумления.

– О, я не собиралась... – Она умолкла, не зная, как закончить начатую фразу.

Он остановился у подножия лестницы.

– Конечно, нет, миледи. Никакого беспокойства. Я просто провожу вас к месту вашего назначения.

– Моего... моего назначения? – Калли в нерешительности остановилась, явно смущенная.

Дворецкий негромко кашлянул, прочищая горло.

– Пожалуйста, навверх, миледи. Их светлость сейчас там.

Во взгляде дворецкого промелькнуло любопытство, словно он сомневался в ее умственных способностях. После недолгой паузы он начал подниматься на второй этаж.

Калли несколько секунд озадаченно смотрела в спину поднимавшемуся по лестнице слуге, затем ее глаза широко раскрылись. Боже правый! Он принял ее за куртизанку. Шокирующая мысль быстро сменилась другой – дворецкий принял ее за любовницу Ралстона. И это означало, что маркиз здесь. В доме.

– Я не... – Она умолкла.

– Конечно, нет, миледи. – Он произнес эти слова со всем возможным уважением, но у нее возникло впечатление, что старик уже бесчисленное число раз и от бесчисленного количества женщин слышал подобные возражения.

Она должна бежать.

– Миледи? – В слове, произнесенном вполне почтительно, звучал невысказанный вопрос: собирается ли Калли следовать за ним?

Это ее шанс. Пусть он станет ее самой большой ошибкой, но ведь именно на этот шанс она надеялась, когда тайком выскользнула из дома и остановила кеб. Она хотела увидеть Ралстона, доказать, что у нее хватит смелости отважиться на приключение, и вот она здесь – и ее цель в пределах досягаемости.

Она сглотнула, молча глядя на старика. Прекрасно. Она последует за ним. И попросит Ралстона помочь ей добраться до дома. Это будет неловко, но он не откажет в помощи даме. Он должен помочь. Она сестра пэра Англии, а Ралстон – дворянин и, безусловно, джентльмен.

Она на это надеялась.

Хотя, возможно, это и не так. При мысли об этом ее пронзило возбуждение.

Она отбросила эту мысль, мысленно похвалив себя за то, что сообразила переодеться в самое выигрышное платье, перед тем как отправиться в эту поездку. Не то чтобы Ралстон увидит шелковый наряд лавандового цвета под обычным черным дорожным плащом – у нее не было абсолютно никакого намерения раскрывать маркизу свою личность, только в самом крайнем случае, – но осознание того, что на ней ее самое любимое платье, придало Калли толику уверенности, когда она, приподняв юбки, ступила на первую ступеньку лестницы.

Поднимаясь, Калли различила приглушенные звуки музыки, которые становились громче, пока она, следуя за дворецким, шла по длинному, слабо освещенному коридору. Слуга остановился перед большой дверью красного дерева: именно оттуда доносилась музыка. На короткое мгновение любопытство победило охватившую Калли нервозность.

Дворецкий дважды постучал, и на фоне музыки прозвучало твердое, ясное «войдите». Слуга распахнул дверь, но не переступил порог, а, сделав шаг в сторону, уступил дорогу даме. Непроизвольно задержав дыхание, Калли робко вошла в комнату.

Дверь за ней закрылась. Окутанная полумраком и звуками музыки, она оказалась в логове льва.

Тусклый огонь нескольких свечей разливался по помещению спокойным, интимным светом. Это была самая типичная мужская комната, которую доводилось видеть Калли. Она была отделана темным деревом в полном разнообразии сдержанных коричневых оттенков. Стенные панели, затянутые темно-красным шелком; пол, покрытый огромным ковром, при-

везенным не иначе как с Востока, мебель, сплошь массивная и внушительная, – все убранство производило впечатление солидности и уверенности. Два огромных книжных шкафа почти полностью закрывали две стены. У третьей стены стояла большая палисандровая кровать, задрапированная темно-синей тканью.

Калли нервно сглотнула, отводя глаза от столь интимного предмета обстановки, и обратила взгляд на хозяина дома, сидевшего за фортепиано в дальнем углу комнаты, спиной к двери. Калли никогда не представляла фортепиано вне консерватории или бального зала, а уж видеть этот инструмент в спальне... Когда она вошла, Ралстон, не отрываясь от инструмента, поднял руку, предлагая гостье воздержаться от каких-либо реплик, которые могли помешать его игре.

Грустная и мелодичная пьеса, которую он наигрывал, была исполнена такого таланта и чувства, что Калли тотчас была очарована этим сочетанием. Она молча стояла, не в силах отвести глаз от его загорелых мускулистых рук. Рукава белоснежной рубашки были небрежно закатаны, и сильные пальцы Ралстона быстро и умело касались клавиш.

Последние аккорды музыкального отрывка еще звучали в стенах спальни, а Ралстон уже развернулся к двери, и стали видны его длинные мускулистые ноги в обтягивающих бриджах и высокие, до колен, сапоги для верховой езды. Распахнутая рубашка открывала взгляду Калли гладкую кожу его груди, а когда он выпрямился, расправив плечи, стало заметно, как взбугрились под тонкой тканью мускулы.

Когда маркиз увидел вошедшую Калли, то лишь легкий прищур глаз выдал его удивление. Впрочем, в полумраке спальни это было едва заметно, и, может, он просто хотел получше рассмотреть гостью. Вот теперь она действительно обрадовалась, что не сняла капюшон. Ралстон встал и спокойно сложил руки на груди.

Неопытный взгляд расценил бы эту позу как выражение безразличия, но Калли провела не один год, больше наблюдая за жизнью лондонского общества, чем участвуя в ней, и поэтому поза мужчины несколько насторожила ее. Ей показалось, что он вдруг напрягся, мускулы его рук неожиданно вздулись, свидетельствуя о недюжинной силе. Похоже, маркиз вовсе не обрадовался неожиданному визитеру – по крайней мере женщине.

Калли открыла было рот, собираясь извиниться за свое вторжение, но прежде чем успела произнести хоть слово, заговорил хозяин:

– Я должен был догадаться, что тебя не устроит прекращение наших отношений. Хотя, признаюсь, удивлен, что у тебя хватило смелости нанести мне визит. – Калли от удивления закрыла рот, а он продолжил холодно и решительно: – Я не хотел лишних сложностей, Настасия, но, вижу, ты не можешь принять моего решения. Все кончено.

Боже милостивый! Он принял ее за отвергнутую любовницу! Пусть даже она предстала перед ним не как полагается женщине знатного происхождения – без приглашения, глубокой ночью появилась на пороге его дома, – но все равно это уже слишком! Нужно немедленно развеять его заблуждение.

– Тебе нечего сказать, Настасия? Это не очень на тебя похоже, не так ли?

И вновь Калли промолчала – ведь для этого требовалось гораздо меньше смелости, чем для того, чтобы открыться этому импозантному мужчине.

Маркиз вздохнул с раздражением, определенно вызванным молчанием своей гостьи.

– Полагаю, я был более чем щедр, разрывая наше соглашение. У тебя остаются дом, драгоценности, наряды – я дал тебе вполне достаточно, чтобы в самом выигрышном свете предстать перед следующим покровителем, не правда ли?

Калли охнула, возмущенная тем, как грубо и презрительно он сообщает о завершении любовных отношений.

Ее реакция вызвала лишь надменный смех маркиза.

– Не стоит разыгрывать из себя падшего ангела. Мы оба знаем, что наивность тебя покинула уже давно. – Когда он отвергал женщину, его тон был совершенно холодным и равнодушным. – Выход ты найдешь сама.

Он повернулся к ней спиной, сел за фортепиано и снова начал играть.

Калли никогда бы не подумала, что сможет пожалеть куртизанку. Они существовали за пределами светского общества, хотя, как правило, пользовались благосклонностью аристократов. Однако она не могла не почувствовать себя оскорбленной за эту конкретную женщину. А ведь она считала Ралстона лучшим представителем мужской породы!

Калли стояла, яростно сжав кулачки и гадая, как же следует поступить. Она знает, что должна сделать. Немедля покинет этот дом и вернется к себе. Но желала она совсем не этого.

А хотелось ей преподать этому мужчине урок. И нешуточный гнев придал Калли храбрости, заставив остаться.

Не оглядываясь, Ралстон спокойно произнес:

– Прошу тебя не делать эту ситуацию еще более неловкой, Настасия.

– Боюсь, что эта ситуация просто обречена стать еще более неловкой, милорд.

Маркиз вскинул голову и резко вскочил с табурета. Если бы Калли не была так раздражена, такая реакция ее бы позабавила.

– Понимаете, я не та, за кого вы меня, очевидно, приняли.

Стоило отдать должное нервам маркиза: его изумление почти мгновенно сменилось сдержанным спокойствием.

– В самом деле, вы не она, мисс... – Маркиз сделал паузу, ожидая, что она назовет себя. Последовало довольно продолжительное молчание, и наконец он произнес: – Похоже, у вас есть преимущество передо мной. Могу я вам как-то помочь?

– Я на это надеялась, однако, после того как увидела, как вы обращаетесь со своими женщинами, предпочту не оказываться в числе благодетельствованных вами.

Темная бровь Ралстона дернулась и надменно поползла вверх. Калли восприняла это как сигнал к бегству. Не говоря больше ни слова, она резко развернулась и схватилась за дверную ручку, но не успела она и на четверть дюйма приоткрыть дверь, как большая сильная рука возникла над ее плечом и легла на дверную панель, закрывая выход. Она дернула за ручку обеими руками, но дверь даже не шелохнулась.

– Прошу вас, – произнесла она почти шепотом, – отпустите меня.

– Вы говорите так, словно это я вас сюда привел, миледи. Совсем наоборот. Это вы вступили в мои владения. Вам не кажется, что вы должны оказать мне любезность и назвать свое имя?

Он произнес эти слова очень тихо, но его дыхание коснулось краешка ее капюшона и Калли охватила паническая дрожь. Он был в нескольких дюймах от нее – еще немного, и они коснутся друг друга. А может, это уже произошло, ведь она всей своей кожей ощущала тепло его тела. Калли уставилась на дверную ручку, гадая, как же выпутаться из этой ситуации.

Она начала этот вечер как Кальпурния. Теперь ей уже нельзя было останавливаться.

– Мы... – Калли прочистила горло. – Мы знакомы, милорд, хотя и не были представлены.

– Трудно рассчитывать, что я узнаю вас закутанной в этот плащ.

Он слегка потянул за край накидки, и кончики его пальцев неосторожно коснулись тыльной стороны ее ладони. Почувствовав прикосновение, девушка коротко и резко втянула воздух. Его тон стал мягче, в нем появились просительные нотки.

– Ну же, неужели вы действительно думаете, что я позволю вам уйти, так и не узнав, кто вы такая? Простите, но, кажется, вы и так зашли слишком далеко.

Он прав. Глубоко вздохнув, она отпустила дверную ручку и повернулась к маркизу. Тот, сняв руку с двери, сделал шаг назад, и Калли, немного нервно скинув капюшон, открыла

лицо. Ралстон внимательно смотрел на нее, словно пытаясь вспомнить, где же видел эту женщину. Через минуту он узнал ее и отступил еще на шаг, не в силах сдержать изумление, отразившееся на его лице и прозвучавшее в голосе.

– Леди Кальпурния?

– Она самая. – Калли закрыла глаза, щеки ее горели; она больше никогда не выйдет из дома.

Он выдохнул с веселым смешком.

– Признаюсь, никогда бы не подумал, что вы можете оказаться в роли моей полуночной гостьи. С вами все в порядке?

– Могу заверить в этом, хотя у вас могло сложиться иное впечатление.

– В таком случае простите мне мой вопрос, но что вы делаете здесь? – До него вдруг окончательно дошло, где именно они ведут этот странный разговор. – Это не самое приличное место для леди. Предлагаю перенести нашу беседу в более... приемлемое место.

Он махнул рукой, будто пытался закрыть спальню от ее взгляда, затем подошел к двери и распахнул ее.

Совершенно не заинтересованная в том, чтобы затягивать ужасную встречу, Калли осторожно отступила в сторону, стараясь насколько возможно увеличить дистанцию, образовавшуюся между ними.

– Ах, оставьте, милорд. Думаю, что вообще нет необходимости продолжать этот разговор. Я оказалась в Ралстон-Хаусе в силу весьма... специфических обстоятельств, и, полагаю, для нас обоих лучше забыть о том, что произошло. Надеюсь, для вас это не слишком сложно.

Возникло неловкое молчание, но Ралстон не собирался нарушать его, обдумывая слова девушки. Во время затянувшейся паузы Калли не осмеливалась взглянуть на него, но маркиз сразу заметил, как нервничает его гостья. Уже скоро на смену изумлению и легкой досаде пришло любопытство, и маркиз заговорил, небрежно прислонившись к дверному косяку:

– Я в этом не уверен, миледи. Вопреки вашему мнению обо мне я не так легко забываю женщин, которые навещают меня в моей спальне. – Ее щеки вновь загорелись румянцем, а он продолжал: – Что привело леди Кальпурнию Хартуэлл в мой дом посреди ночи? Честно говоря, мне кажется, такие экстравагантные поступки совершенно не в вашем духе.

Она с трудом попыталась найти ответ.

– Я... была... поблизости.

– Среди ночи?

– Да. Я оказалась... на улице... и... мне необходимо было... добраться домой.

– Как вы оказались вблизи моего дома и без экипажа?

В его голосе прозвучало небрежное любопытство, и это заставило ее занервничать.

– Я предпочла бы не говорить на эту тему, – ответила Калли и отвела взгляд, мысленно умоляя его не настаивать. Возникла короткая пауза, и девушка даже подумала, что маркиз удовлетворился ее уклончивым объяснением.

Она ошибалась.

Ралстон с некоторым вызовом скрестил руки на груди и произнес с шутливым недоверием:

– И вы, естественно, решили, что постучаться в мою дверь гораздо безопаснее, чем сесть в ближайший наемный кеб.

– В самом деле, милорд. Ведь вы же джентльмен.

Ралстон фыркнул и хитро усмехнулся. Калли бросила на него возмущенный взгляд и воскликнула:

– Вы мне не верите?

– Ни единому слову. – Он окинул ее пронизательным взглядом голубых глаз. – Почему бы вам не поведать мне правду?

Калли вновь опустила глаза, отчаянно пытаясь придумать хоть что-нибудь, что поможет ей выпутаться из этой щекотливой ситуации.

Он, казалось, прочитал ее мысли.

– Леди Кальпурния.

– Я предпочла бы, чтобы вы называли меня Калли, – торопливо произнесла она.

– Вам не нравится ваше имя? – В его голосе слышалось ленивое любопытство.

Не поднимая глаз, она отрицательно покачала головой.

– Калли... – Он произнес ее имя низким, проникновенным голосом, в котором слышался откровенный соблазн; таким тоном – в этом она была уверена – он обращался к женщинам, когда хотел чего-то добиться от них. Она нисколько бы не удивилась, если бы узнала, что это всегда срабатывало. – Зачем вы здесь?

И тогда – может, от храбрости, или от трусости, или под воздействием выпитого шерри – она решилась ответить ему. В конце концов, хуже уже просто не могло быть.

Еле слышно Кальпурния Хартуэлл прошептала:

– Я пришла попросить вас поцеловать меня.

Подобного ответа маркиз никак не ожидал. На мгновение ему показалось, будто он ослышался, однако малиновый румянец, заливший лицо гостьи, убедительно доказывал обратное – леди Кальпурния Хартуэлл только что сделала ему совершенно неприличное предложение.

Вечер начинался вполне безобидно. Ралстон ответил отказом на все приглашения, пообедал с братом и сестрой, потом удалился в свою спальню, надеясь, что приватная обстановка его убежища и фортепиано позволят ему отвлечься. В конце концов, это действительно возымело эффект, и он совершенно отдался музыке.

Но только до того момента, когда стук в дверь возвестил о появлении гостьи. Он внимательно посмотрел на нее. Девушку нельзя было назвать дурнушкой: слегка пухленькая, вроде бы самая обыкновенная, – но Ралстон предположил, что это впечатление возникает скорее из-за ее наряда – скромного черного плаща. У нее пухлые губы, безупречная кожа и большие прелестные глаза, сверкающие эмоциями. Прежде чем вернуться к обсуждаемому вопросу, он на мгновение задумался, пытаясь определить, какого они цвета.

Очевидно, она впервые решилась совершить такой смелый, такой рискованный поступок, ибо едва могла дышать от неловкости. Леди Кальпурния Хартуэлл, которую он знал в основном понаслышке, никогда не оказывалась в центре внимания на балах и званых ужинах и являла собой чистейший образец «девушки у колонны».

Сегодня, вне всякого сомнения, она таковой не была.

Ралстон спокойно, почти равнодушно разглядывал девушку – благодаря многолетнему опыту он умел скрывать свои мысли. Калли упорно не хотела встречаться с ним взглядом: то изучала свои крепко сцепленные руки, то осторожно посматривала на дверь, словно оценивая шансы на побег. И Ралстон вдруг ощутил прилив сочувствия к этой девушке, которая, очевидно, оказалась в ситуации, в которую никоим образом не должна была попадать.

В этой ситуации он мог бы повести себя, как и подобает джентльмену: не задавая лишних вопросов, предложить экипаж и, попрощавшись, забыть обо всем, что произошло этим вечером, – но Ралстон чувствовал, что, несмотря на явную нервозность девушки, в глубине души она хочет довести эту игру до конца, и маркизу стало интересно, насколько далеко осмелится зайти его незваная гостья.

– Зачем?

Калли широко раскрыла глаза, услышав этот вопрос; на мгновение их взгляды встретились, но она вновь опустила ресницы.

– Ми... милорд? – запинаясь, произнесла она.

– С чего вдруг такая просьба? Нет, я, конечно, польщен, но вы же не можете не признать, что все это несколько странно.

– Я... я не знаю.

Маркиз медленно покачал головой – хищник вышел на охоту.

– Это, моя дорогая, неправильный ответ.

– Вам не следует так ко мне обращаться. Это слишком фамильярно.

Уголки рта приподнялись в слабой улыбке.

– Вы находитесь у меня в спальне, просите поцеловать вас. Позволю себе предположить, что вы уже несколько вышли за границы приличий. И я вновь спрашиваю вас: зачем?

Она вновь прикрыла глаза, ее окатила волна смущения. На мгновение ему показалось, что Калли так и не ответит. Но тут она расправила плечи, сделала глубокий выдох и сказала:

– Меня еще никогда не целовали. Я подумала, что время пришло.

Эти слова слегка шокировали его, но в них не было ни мольбы, ни жалости к себе самой. Они были настолько честными и были произнесены настолько буднично, что маркиз не мог не восхититься ее смелостью. Английской девушке нелегко решиться на такое признание.

– Почему именно я?

Казалось, признание придало ей уверенности, и девушка ответила сразу же, словно констатировала очевидное:

– Вы отъявленный повеса. Я слышала, что о вас говорят.

– О? И что же обо мне говорят? – Румянец залил щеки Калли, и она снова потупила взгляд, но он продолжал настаивать: – Леди Кальпурния, какие слухи вы имеете в виду?

Она негромко откашлялась, прочищая горло.

– Я... я слышала, что вы якобы оставили некую полуобнаженную виконтессу в зимнем саду и, спасаясь от гнева ее супруга, вынуждены были бежать через окно.

– Это преувеличение.

Она посмотрела ему в глаза:

– А как насчет дочери викария, которая последовала за вами через весь Девоншир, решившись пожертвовать своей репутацией?

– Где вы это слышали?

– Поразительно, чего только не наслушаешься на балу, особенно если тебя почти не замечают.

– Давайте сразу проясним: эта девица так и не нагнала меня. Более того, насколько мне известно, она не так давно вышла замуж и, кажется, вполне счастлива.

Калли непроизвольно хихикнула при этих словах, но тут же осеклась, когда он добавил:

– Принимая во внимание все эти сплетни, кто скажет, что я не осмелился даже поцеловать вас?

– Никто. Но вы действительно не осмелитесь.

– Откуда такая уверенность?

– Я просто знаю.

Ралстон услышал самоуничижение в ее голосе, но сделал вид, будто ничего не заметил.

– Но почему именно сейчас? Почему не дожидаться, когда появится мужчина, которого вы... к которому вы, возможно, испытаете сильное чувство?

Девушка коротко рассмеялась.

– Милорд, если этот мужчина когда-то и собирался появиться, боюсь, он давно сбился с пути. Сэр, мне двадцать восемь лет, и я поняла, что очень устала ждать.

– Возможно, вам стоило бы проявить сегодняшнюю смелость на каком-нибудь светском мероприятии? – предположил он. – Признаюсь, миледи, на самом деле вы гораздо интересней, чем кажется, а интерес – это та искра, которая зажигает желание.

Его слова достигли своей цели, и Калли вновь покраснела. Ралстон не мог не признать, что испытывает удовольствие от такого неожиданного поворота событий. В самом деле, это было именно то отвлечение, которое ему было необходимо в свете предстоящего представления Джулианы обществу.

И вслед за этой мыслью тотчас возникла другая.

Леди Кальпурния Хартуэлл – это отличное решение его проблемы. И судьба привела ее к порогу его дома – ну ладно, пусть чуть дальше, чем к порогу, – именно в тот день, когда объявилась его давно потерянная сестра. Ралстон почувствовал огромное удовлетворение.

Он поцелует ее. Но потребует за это плату.

– Мне хотелось бы узнать, готовы ли вы пойти на сделку.

Калли чуть настороженно посмотрела на него.

– На сделку? – Она отступила на шаг, немного увеличив дистанцию между ними. – Какого рода сделку?

– Ничего такого, о чем вы, возможно, подумали. Понимаете, оказывается, у меня есть сестра.

Она широко раскрыла глаза.

– Сестра, милорд?

– Меня и самого весьма удивил этот факт.

Ралстон кратко описал ей события прошедшего дня: приезд Джулианы, решение представить ее обществу и, как следствие, необходимость найти девушке компаньонку или наставницу, но обязательно с безупречной репутацией, чтобы облегчить неожиданно обремененной сестре выход в свет.

– Поэтому мне представляется весьма удачным ваше появление в моем доме нынешней ночью. Вы идеально подходите для этой цели. Конечно, при условии, что у вас не войдет в привычку наносить по ночам визиты неженатым мужчинам.

Калли застенчиво рассмеялась.

– Нет, милорд. Думаю, вы останетесь единственным.

Он знал, что Калли говорит правду, и пообещал себе, что при следующей встрече все же постарается выяснить, что именно сподвигло ее на этот ночной визит.

– Надеюсь, что так и будет, – во всяком случае, пока Джулиану не представят свету.

– Я еще не согласилась на вашу просьбу.

– Но согласитесь. – В его голосе звучала самоуверенность. – А в качестве платы вы получите поцелуй.

– Простите, – сказала она несколько шутливым тоном, – но вы, должно быть, очень высоко цените свои поцелуи.

Он слегка кивнул, словно признавая справедливость ее слов.

– Хорошо. Назовите вашу цену.

Калли подняла глаза к потолку и на некоторое время глубоко задумалась.

– Пока достаточно поцелуя, но я оставляю за собой право в будущем попросить вас об одолжении.

– То есть я буду перед вами в долгу?

Она улыбнулась:

– Рассматривайте это как деловое соглашение.

Маркиз поднял бровь.

– Деловое соглашение, начатое с поцелуя?

– Уникальное деловое соглашение, – уточнила Калли, и ее щеки залил румянец.

– Похоже, вас шокирует собственная смелость, – сказал он.

Она кивнула:

– Сама не знаю, что на меня нашло.

И вновь ее откровенность подкупила его.

– Хорошо, миледи; вижу, вы серьезный оппонент. Я принимаю ваши условия. – Он подошел к ней, и в его голосе послышались соблазняющие нотки. – Скрепим нашу сделку поцелуем?

У Калли перехватило дыхание, она вся напряглась, и даже сердце девушки, казалось, замерло. Ралстон улыбнулся, увидев, как она занервничала, провел пальцем по кончикам ее волос и мягко заправил за ухо непослушный локон. Калли смотрела на мужчину огромными карими глазами, и он неожиданно испытал прилив нежности к этой до сих пор не целованной девушке. Он склонился над ней, двигаясь очень медленно, будто опасался испугать Калли, и вот на одно короткое мгновение его губы коснулись ее губ, но девушка тут же отшатнулась, быстро прикрыв свои губы ладонью.

Он пристально смотрел на нее и ждал, что она скажет, но девушка молчала и Ралстон спросил:

– Я вас напугал?

– Не... нет! – ответила Калли слишком громко. – Нисколько, милорд. И благодарю вас.

Он выдохнул со смешком.

– Боюсь, что ваш опыт не удался. – Маркиз помолчал, на лице Калли появилось выражение замешательства. – Понимаете, когда я соглашаюсь что-то сделать, то делаю это как следует. Это был не тот поцелуй, ради которого вы пришли сюда, моя маленькая мышка.

Калли наморщила носик, услышав столь фамильярное прозвище.

– Не тот?

– Нет.

Ее нервозность усилилась, и она вновь начала вертеть в руках завязки плаща.

– Ну ладно. Это было очень мило. Полагаю, я вполне удовлетворена тем, что вы благородно выполнили свою часть сделки.

– «Очень мило» – это не то, к чему вы должны стремиться, – сказал маркиз, беря ее беспокойные руки в свои, и добавил более проникновенным тоном: – Этот поцелуй не может и не должен удовлетворить вас.

Она коротко дернулась, но Ралстон не отпустил ее, и Калли покорилась. Мужчина привлек девушку к себе, положив ей руки на плечи. Он провел пальцами по ее щеке, и у ночной гостьи остановилось дыхание, а голос превратился в мышиный писк:

– А какой может?

И маркиз поцеловал ее. Поцеловал по-настоящему.

Он прижал Калли к себе и припал губами к ее губам, властно, собственнически, так, как она даже вообразить не могла. Его губы, твердые и теплые, играли с ее губами, соблазняя ее, пока она не начала задыхаться. Ралстон поймал это движение, воспользовался тем, что она приоткрыла губы, и вбежал своим языком между ними, легко касаясь ее губ и кончика языка, пока она наконец не подалась к нему, давая понять, что больше не может выносить этого поддразнивания. Казалось, Ралстон читал ее мысли, и когда Калли уже совсем лишилась сил, он вдруг еще крепче прижал ее к себе, и его язык с уже неприкрытой страстью буквально ворвался в ее рот.

И Калли погибла.

Он проглотил ее, и единственное, что ей оставалось делать, – это обреченно пытаться отвечать на его движения. Казалось, ее руки по собственному желанию поглаживают его широкие плечи и обхватывают сильную мужскую шею. Она робко коснулась языка Ралстона своим языком и была вознаграждена вздохом удовлетворения, раздавшимся глубоко в его

горле. Он прижался к ней всем телом, и ее окатила новая волна незнакомого ей жара. Его язык отступил, и она последовала за ним, боясь хоть на мгновение потерять этот удивительный контакт, и тут его губы бесстыдно сомкнулись вокруг ее языка, и он мягко втянул в себя нежную упругую плоть... То, что ощутила Калли, пронзило все ее существо. И внезапно осознание опалило ее.

Он оказался прав. Это был тот поцелуй, ради которого она пришла сюда.

Секунду спустя Ралстон прервал поцелуй, провел губами по ее щеке, коснулся уха и легко прикусил нежную мочку, отчего ее тело пронзила волна удовольствия. Где-то вдали Калли слышала стон и с запозданием поняла, что это стонала она.

Ралстон прижался губами к ее уху и произнес, так что его дыхание превращало слова в ласку:

– Поцелуи не должны полностью удовлетворять тебя.

Он снова коснулся своими губами ее губ и требовательно обхватил их, вновь своими головокружительными ласками прогоняя прочь все ее мысли. И ей хотелось лишь одного: быть ближе к нему, чтобы он обнимал ее крепче. Его жар поглотил ее; его нежные дразнящие губы, казалось, знали все ее секреты.

Когда он оторвался от ее губ, Калли едва держалась на ногах. А затем до нее донеслись его слова, прорвавшиеся сквозь окутавшую ее пелену чувственного тумана.

– Они должны пробуждать желание.

Глава 4

Калли отбросила одеяло и выбралась из постели. Расправив плечи, она пересекла комнату и подошла к стоящему в углу небольшому письменному столу. Девушка положила листок, разгладила смятую бумагу и еще раз внимательно перечитала написанные слова, затем взяла перо и окунула в чернильницу. Она поцеловала мужчину. И страстно.

Быстрым ровным движением она перечеркнула первый пункт жирной черной линией, не в силах сдержать широкой довольной усмешки. Что следующее?

Раздался стук в дверь, и Калли, подняв глаза, увидела в зеркале, как в спальню вошла ее горничная. Заметив суровые складки на лице пожилой женщины, Калли поджала губы, перестав улыбаться. Дверь с глухим стуком затворилась.

– Доброе утро, Анна, – приветливо поздоровалась Калли, быстро засунув листок под томик стихов Байрона.

– Кальпурния Хартуэлл, – медленно произнесла Анна. – Что вы натворили?

Калли, чуть приподняв брови, медленно перевела взгляд с горничной на большой гардероб из великолепного мореного дуба.

– Мне бы хотелось одеться, – непринужденно произнесла она. – Сегодня утром у меня назначена встреча.

– С маркизом Ралстоном?

Калли в ужасе распахнула глаза.

– Откуда ты... Что?.. Нет!

– В самом деле? Мне что-то не верится, учитывая, что внизу человек из Ралстон-Хауса дожидается ответа на письмо, которое только что доставил для вас.

У Калли перехватило дыхание, когда она увидела в руках горничной сложенный вдвое и запечатанный листок бумаги. Девушка встала и приблизилась к горничной.

– Дайте взглянуть.

Анна скрестила руки на массивной груди, спрятав послание.

– Мисс Калли, почему маркиз Ралстон посылает вам записки?

Девушка покраснела.

– Я... я не знаю.

– Вы страшная лгунья. И были такой еще с пеленок. – Анна напоминала собаку с косточкой. – Вы давно интересовались Ралстоном, мисс Калли, но почему вдруг этот повеса проявил такой интерес к вашей персоне?

– Я... Он не проявил! – Она попыталась придать своему голосу максимум решительности и протянула руку. – Анна, я хочу получить свое письмо.

Горничная улыбнулась и как бы между прочим спросила:

– Прошлой ночью вы были у Ралстона?

Калли вздрогнула, румянец залил ее щеки, и она выпалила:

– Конечно же, нет!

Анна кинула на нее понимающий взгляд.

– Но где-то вы были. Я слышала, как вы перед рассветом тайком пробирались через черный ход.

Калли направилась к гардеробу и открыла дверцы, давая понять, что не собирается развивать эту тему.

– Анна, тот факт, что ты заботилась обо мне с самого моего рождения, не дает тебе права так со мной разговаривать.

– Конечно же, дает.

Воспользовавшись тем, что Калли отвернулась от стола, горничная вытащила из-под книги спрятанный листок и быстро пробежала глазами.

Услышав, как Анна изумленно охнула, Калли обернулась. Увидев в руке горничной листок, она воскликнула:

– Отдай!

– Калли! Что ты натворила?

– Ничего! – Она выхватила листок, потом, увидев, что Анна смотрит на нее с недоверием, добавила: – Правда ничего. Это всего лишь список.

– Я вижу, мисс Калли, вы уже выполнили один из его пунктов.

– Выполнила. – Калли покраснела.

Анна смотрела на листок, разбирая неровный почерк. Когда горничная с шокированным видом подняла глаза, Калли отвернулась.

– Да, Кальпурния Хартуэлл, вы не теряли времени, взяв то, чего хотели многие годы. Калли не смогла удержаться от слабой улыбки.

– И ты действительно была с Ралстоном прошлой ночью!

Пылающие щеки Калли были красноречивее слов.

– Я тебе вот что скажу. – В голосе горничной можно было расслышать уважительные нотки. – Ты единственная девушка из тех, кого я когда-либо встречала, которая составила такой список и собирается его выполнить. – Ее тон изменился. – Впрочем, я удивлюсь еще больше, если через неделю твоя репутация не окажется окончательно загубленной.

– Я буду очень осторожна, – возразила Калли.

Анна покачала головой:

– Если только ты не служишь в военном министерстве, Калли, девочка моя, ты не сможешь осуществить и половины того, что наметила, не погубив свое доброе имя. – Горничная помолчала. – Ты ведь это понимаешь?

Калли коротко кивнула:

– Наверное, это плохо, но почему сегодня утром меня это совершенно не волнует?

– Дай мне это. – Анна забрала у Калли персиковое муслиновое платье и вместо него протянула платье из ярко-зеленого жаконэ.

– А чем тебя не устраивает то, что выбрала я?

– Неужели не понимаешь? Если ты собираешься в Ралстон-Хаус, то наденешь это платье. Тебе очень идет зеленый цвет.

Калли взяла платье, наблюдая, как Анна тщательно выбирает нижнее белье.

– Мы не едем в Ралстон-Хаус.

Анна ничего не ответила, поглощенная инспекцией содержимого гардероба. Горничная лишь молча протянула Калли послание. Дрожащими руками Калли сломала сургучную печать и, испытывая одновременно отчаянное любопытство и страх, прочитала:

«Леди Кальпурния!

Моя сестра будет ждать вас в половине двенадцатого.

Р.»

Теперь пути назад не было.

– Анна, – произнесла Калли, не в силах оторвать взгляд от записки, – мы едем в Ралстон-Хаус.

Сейчас, на следующий день после своего первого визита, Калли вновь стояла на ступенях перед входом в Ралстон-Хаус. На этот раз все было вполне пристойно: при свете дня и в сопровождении горничной. Калли пришла, чтобы встретиться с мисс Джулианой Фиори, загадочной младшей сестрой маркиза.

Хорошо бы Ралстона не оказалось дома – ей совсем не хотелось думать о непременном предстоящем унижении. Конечно, Калли понимала, что в будущем им придется общаться, раз уж она согласилась помочь сестре Гейбриела выйти в свет, но хотелось верить, что хотя бы сегодня ей удастся избежать встречи с этим человеком.

Лакей открыл дверь, за которой в глубине холла с непроницаемым видом стоял Дженкинс. «Пожалуйста, пусть он не узнает меня», – мысленно взмолилась Калли, вглядываясь в грубое морщинистое лицо дворецкого и пытаясь казаться собранной и невозмутимой.

– Леди Кальпурния Хартуэлл к мисс Джулиане.

Калли произнесла эти слова, выпрямившись во весь рост и самым спокойным тоном, на который была способна. Она протянула двореckому визитную карточку, и тот принял ее с низким поклоном.

– Конечно, миледи. Мисс Джулиана ждет вас. Пожалуйста, следуйте за мной.

Как только Дженкинс повернулся к ним спиной, Калли облегченно выдохнула, стараясь сделать это как можно тише. Она последовала за дворецким по широкому, отделанному мрамором коридору и одарила его поистине царственным кивком, когда тот отступил в сторону, пропуская ее в прелестную гостиную, декорированную в зеленых тонах.

Калли бросила взгляд на стены, затянутые ярко-зеленым шелком, изящную кушетку и кресла из красного дерева, украшенные весьма искусной резьбой и обтянутые великолепными тканями. Легкость комнате придавала замечательная мраморная скульптура – высокая гибкая фигура богини, державшей над головой широкую полосу ткани, которая вздымалась волной позади нее. Калли не могла удержаться и подошла поближе. Ее притягивала спокойная, таинственная улыбка, которая украшала прелестное лицо богини, и плавные изгибы мраморной фигуры. Ее восхитили складки наряда, и Калли протянула руку, чтобы коснуться скульптуры, в глубине души ожидая, что ощутит гладкую кожу, а не холодный камень. И в этот момент от дверей раздался голос:

– Как она красива, не правда ли?

Услышав это, Калли резко обернулась и охнула. В дверях стоял Ралстон, на его лице сверкала небрежная улыбка. Нет, не Ралстон.

В дверях стоял лорд Николас Сент-Джон, высокий и широкоплечий, с резко очерченными скулами и сверкающими голубыми глазами, как две капли воды похожий на Ралстона, за исключением одного: через правую щеку Сент-Джона тянулся шрам – длинная тонкая, четко очерченная белая полоска резко контрастировала с загорелой кожей и выглядела странно на лице столь безупречного джентльмена. Однако шрам, который должен был портить его красивое лицо, напротив, делал его более привлекательным. Калли бывала свидетельницей того, как добропорядочные светские дамы совершенно теряли разум, когда рядом оказывался Сент-Джон, хотя он, казалось, этого не замечал.

– Лорд Николас, – произнес он с улыбкой, слегка наклонив голову, затем пересек комнату, взял ее руку и низко поклонился.

– Кальпурния Хартуэлл. – Калли сделала книксен.

– Леди Кальпурния, – тепло улыбнулся он, – я вижу, вы уже заметили даму моего сердца. – Николас указал на статую.

– Конечно, ее невозможно не заметить. – Калли обернулась к скульптуре. – Она само совершенство. Кто же ее создал?

Сент-Джон покачал головой, в глазах появился блеск гордости.

– Неизвестно. Я нашел ее на южном побережье Греции несколько лет назад. Несколько месяцев я собирал там мрамор и вернулся домой с таким багажом, что с удовольствием пожертвовал эту красавицу для украшения Ралстон-Хауса на том условии, что мой брат обеспечит ей надлежащее обращение. – Он помолчал, не в силах отвести взгляда от скульптуры. – Я полагаю, это Селена, богиня луны.

– Она выглядит такой умиротворенной.

– Удивительное замечание.

– Понимаете, – робко начала Калли, – легенда о Селене не самая счастливая. Ведь она обречена любить смертного в вечном сне.

Сент-Джон повернулся к ней при этих словах, явно впечатленный.

– Ее собственная вина. Она знала, что Зевса не стоит просить об одолжении. Подобные действия никогда ничем хорошим не кончаются.

– Вполне вероятно, Селене это было прекрасно известно, когда она принимала это одолжение. Могу предположить, что эта статуя изображает счастливую Селену, до того как вмешался Зевс.

– Вы забываете, – ответил Сент-Джон с дразнящим блеском в глазах, что у них с Эндионом все-таки родилось двадцать детей, несмотря на его сонное состояние, так что не так уж и несчастна она была в своем положении.

– При всем уважении к вашим словам, милорд, хотелось бы заметить, – возразила Калли, – что выносить и вырастить двадцать детей – это не похоже на самые счастливые обстоятельства. Думаю, вряд ли она казалась бы такой умиротворенной, если бы эта статуя изображала ее в состоянии материнского блаженства.

Сент-Джон громко рассмеялся.

– Исключительно точно подмечено, леди Кальпурния. Основываясь на этом разговоре, могу сделать вывод, что дебют Джулианы должен стать чрезвычайно занимательным... по крайней мере для меня.

– О, конечно, Николас, твоя заинтересованность в этом деле важнее всего.

Калли напряглась, когда в комнате прозвучала эта раздраженная реплика, и ее сердце сильно забилося. Она попыталась сохранить спокойствие, но, даже не оборачиваясь, поняла, что к ним присоединился Ралстон.

Казалось, почувствовав напряжение Калли, Сент-Джон подмигнул ей, затем повернулся к маркизу и произнес, широко улыбаясь:

– Так оно и есть, братец.

Ралстон лишь покачал головой и, повернувшись к Калли, внимательно посмотрел на нее своими пронзительно-голубыми глазами. Легкий румянец окрасил щеки девушки, и она быстро опустила глаза, боясь встретиться с Ралстоном взглядом. Ник сразу заметил возникшую неловкость и поспешил гостю на помощь.

– Не стоит так нервничать, Гейбриел. Я просто пытался развлечь леди Кальпурнию в ожидании прихода Джулианы. Где же она?

– Я велел Дженкинсу пока не приглашать нашу сестру. Мне хотелось бы поговорить с леди Кальпурнией до того, как они встретятся. – Он помолчал. – Если позволишь, Ник, наедине.

У Калли бешено заколотилось сердце. Что же такого он собирается сказать ей, чего не должен слышать даже родной брат?

Ник, изящно поклонившись, поцеловал Кальпурнии руку и сказал:

– С нетерпением буду ждать следующей встречи, миледи.

Выпрямившись, он весело улыбнулся Калли и еще раз ободряюще подмигнул.

Она не могла не ответить ему улыбкой.

– И я тоже, милорд.

Ралстон подождал, пока Николас закроет за собой дверь, и, предложив Калли кресло, сел напротив. Продолжая потихоньку осматривать обстановку, Калли отметила, насколько меньше стала казаться мебель – да и сама комната, – словно весь Ралстон-Хаус не был рассчитан на такого крупного мужчину. Она опустила голову, притворяясь, будто рассматривает замысловатый узор паркета, и старательно делая вид, что присутствие Ралстона не произво-

дит на нее никакого впечатления. Глупо, конечно. Такой мужчина не может не производить впечатления.

– Прежде чем вы встретитесь с Джулианой, я бы хотел кое-что уточнить.

Калли почувствовала укол разочарования. Неужели ему так необходимо демонстрировать свое безразличие? Не поднимая головы, она принялась рассматривать свои руки, отчаянно стараясь не вспоминать, что всего несколько часов назад эти руки касались Ралстона. Но как она могла забыть его теплую кожу, его мягкие волосы, его сильные мускулистые плечи – все, до чего дотрагивались ее пальцы. А он казался таким равнодушным.

Калли негромко откашлялась, прочищая горло, и сказала:

– Конечно, милорд.

– Я подумал, что будет лучше, если вы начнете заниматься с Джулианой в Ралстон-Хаусе. Моей сестре нужна некоторая помощь в освоении правил поведения в лондонском свете, и мне не хотелось бы, чтобы она допустила оплошность перед графиней Аллендейл.

Калли широко раскрыла глаза, подняла голову и встретила с ним взглядом.

– Моя матушка никогда не нарушит конфиденциальность уроков вашей сестры.

– К сожалению, даже у стен есть уши.

– Только не у стен Аллендейл-Хауса.

Гейбриел подался вперед, оказавшись совсем близко от Калли, его мышцы взбугрились, натянув ткань сюртука.

– Позвольте мне выразиться яснее. Я настаиваю на этом условии. Джулиана отказывается появляться в обществе и твердит о своем возвращении в Италию. Она, вероятно, доставит мне немало хлопот, прежде чем смирится с тем, что ее новый дом здесь. Ваша матушка и ее ближайшие подруги обладают большим влиянием, для этих женщин отличная родословная и безупречная репутация имеют первостепенное значение. И хотя Джулиана не может похвастаться родословной, восходящей к Вильгельму Завоевателю, а ее репутация несколько подпорчена порочностью нашей матери, все же моя сестра выйдет в лондонский свет и заключит приличествующий нашему имени брак. И я не хочу рисковать ее будущим.

Он произнес все это таким уверенным тоном, словно единственной верной дорогой Джулианы к успеху был именно тот путь, который он для нее наметил. И все же в его голосе слышалась настоятельная просьба. Он был прав: чтобы Джулиана Фиори добилась успеха в обществе, ей понадобится гораздо больше, чем поддержка Кальпурнии Хартуэлл. Сестра Гейбриела – дочь маркизы, погубившей свою репутацию, и итальянского купца, а значит, в глазах светского общества не только не аристократка, но и едва законнорожденная.

Однако Гейбриел, очевидно, не собирался позволять мрачной истории их семейного древа омрачить будущее своей сестры. Тот факт, что братья Сент-Джон взяли на себя обязательство ввести Джулиану в общество, свидетельствовал об их решительности, и Калли, которая сама была готова буквально сражаться за счастье Джулианы, уважала их решение.

– Я рада буду встретиться с вашей сестрой, милорд.

В этой фразе, внешне такой простой, безошибочно слышался определенный подтекст: «Я на вашей стороне».

Ралстон помолчал, наблюдая за ней своим пронизательным понимающим взглядом, и впервые за десять лет она не отвела глаз. Когда мгновение спустя он заговорил, тон его стал более мягким.

– Я не думал, что вы придете сегодня.

На его губах появилось подобие улыбки.

– Признаюсь, милорд, я думала о том, чтобы уклониться от этого визита.

– И все же вы здесь.

Ее щеки порозовели, и она робко склонила голову.

– Мы заключили сделку.

Когда он ответил, голос его звучал тихо и задумчиво:

– Вы правы. Мы это сделали.

Глубокий тембр его голоса вызвал волну жара в теле Калли, и она, нервно кашлянув, сделала вид, будто смотрит на часы на соседнем столике.

– Милорд, думаю, мне пора встретиться с мисс Джулианой. Вы согласны?

Он некоторое время удерживал ее взгляд, словно пытаясь прочесть самые сокровенные мысли. В конечном итоге, как ей показалось, он удовлетворился увиденным. Не сказав ни слова, он встал и вышел из комнаты, чтобы послать за своей сестрой.

Первое, что бросалось в глаза при взгляде на Джулиану Фиори, была не ее красота, хотя она, бесспорно, являлась красавицей – с поразительными голубыми глазами, фарфоровой кожей и копной густых темных волос, ради обладания которыми большинство женщин согласились бы на любые физические муки. И не изящные черты лица или ее мелодичный голос с акцентом, выдававшим в ней уроженку Италии. И даже не ее рост, хотя она была выше Калли и превосходила многих других женщин.

Нет, первое, что бросалось в глаза при взгляде на Джулиану Фиори, была ее искренность.

– Какая глупость – соблюдать строгую очередность чая и молока, когда наливаешь чай.

Калли едва сдержала смех.

– Полагаю, в Венеции вы не придаете такого значения этой церемонии?

– Нет. Это всего лишь напиток. Он теплый. И к чему такое беспокойство? – Джулиана сверкнула улыбкой, и на ее щеках показались ямочки.

– Действительно, к чему? – переспросила Калли, мимоходом задавшись вопросом, обладают ли братья этой девушки такой же очаровательной чертой.

– Не озадачивайтесь. – Джулиана драматическим жестом подняла руку. – Я постараюсь запомнить: сначала чай, потом молоко. Мне не хотелось бы давать повод для новой войны между Британией и континентом.

Калли рассмеялась, принимая от молодой женщины чашку чая, налитого по всем правилам.

– Уверена, парламент выразит вам благодарность за дипломатичность.

Девушки обменялись улыбками, и Джулиана произнесла:

– Итак, случись мне встретить герцога или герцогиню... – Продолжая говорить, Джулиана аккуратно положила на маленькую тарелочку кусочек торта для Калли.

– Что наверняка и случится, – вставила Калли.

– Allora⁴, когда я встречу с герцогом или герцогиней, то должна буду обращаться к ним «ваша светлость». Ко всем остальным лучше всего обращаться «милорд» или «миледи».

– Правильно. По крайней мере ко всем остальным, кто либо обладает дворянским титулом, либо благодаря своему происхождению носит так называемый титул учтивости.

Джулиана склонила голову набок, обдумывая слова Калли.

– Это сложнее, чем приготовление чая. – Она рассмеялась. – Думаю, моим братьям повезло, что я пробуду здесь недолго. Надеюсь, они сумеют быстро восстановить свою репутацию, которую наверняка несколько подмочит их скандальная итальянская сестрица.

Калли ободряюще улыбнулась:

– Чепуха. Вы поставите общество на уши.

Джулиана выглядела озадаченной.

– А как можно кого-то поставить на орган слуха?

⁴ В таком случае (*um.*).

Улыбка Калли стала шире, и девушка покачала головой.

– Это всего лишь речевой оборот. Он означает, что вы произведете в свете настоящий фурор. – Калли понизила голос до заговорщического шепота: – Уверена, что джентльмены настойчиво станут добиваться вашего внимания.

– Как это было с моей матерью? – Голубые глаза Джулианы сверкнули, и она резко мотнула головой. – Нет. Прошу вас, выбросьте идею о моем замужестве из головы. Я никогда не выйду замуж.

– Отчего же?

– А что, если я окажусь точно такой же, как она? – Эти тихие слова заставили Калли промолчать, она не сразу нашлась с ответом, а Джулиана продолжила: – Простите меня.

– Вам незачем извиняться. – Калли коснулась руки девушки. – Могу представить, как тяжело все это.

Джулиана помолчала, не поднимая глаз.

– В течение десяти лет я притворялась, будто моей матери не существует. И теперь обнаружила, что единственная семья, которая у меня осталась, – это ее семья. И эти мужчины... мои братья... – Она умолкла.

Калли внимательно посмотрела на девушку, затем спросила:

– Пока они не кажутся вам вашей настоящей семьей, не так ли?

На лице Джулианы промелькнуло виноватое выражение.

– Неужели это так заметно?

Калли покачала головой:

– Вовсе нет.

– Не думаю, что я им нравлюсь.

Калли решительно качнула головой:

– Исключено. Вы чрезвычайно обаятельная молодая женщина. Мне, например, ваше общество доставляет огромное удовольствие.

Джулиана слегка улыбнулась в ответ и произнесла:

– Николас очень тепло меня принял, но Ралстон... – Она встретила взгляд Калли и сказала чуть тише: – Он не улыбается.

Наклонившись вперед, Калли прикрыла рукой руку собеседницы.

– Я бы не стала придавать этому большого значения. Думаю, мне хватило бы пальцев одной руки, чтобы пересчитать, сколько раз я видела Ралстона улыбающимся.

Джулиана опустила глаза на руку Калли, потом положила свою ладонь поверх ее. Когда их взгляды встретились, Калли увидела в глазах девушки сомнение.

– Я ведь доставляю ему столько хлопот, вам не кажется? Осиротевшая дочь женщины, которая бросила их, вдруг появляется в поисках новой семьи.

Калли понимала, что ей следует закончить этот неуместный разговор: ведь сложности и хитросплетения семейства Ралстон были исключительно их семейным делом, – но не смогла удержаться.

– Не новой семьи. Старой, – поправила она. – Той семьи, частью которой вы всегда были, а теперь вам просто пришлось заявить о своем месте в ней.

Джулиана покачала головой:

– Нет. Они ничего обо мне не знают. И я всего лишь напоминаю им об их злосчастной матери. Она – это единственное, что нас связывает. Я уверена, что, когда Ралстон смотрит на меня, он видит ее. Думаю, он будет счастлив, если через два месяца я уеду.

Несмотря на то что Калли было чрезвычайно любопытно узнать об их матери, она воздержалась от вопросов о женщине, которая бессердечно покинула троих таких замечательных детей, и лишь сказала:

– Возможно, братья пока плохо вас знают, Джулиана, но они обязательно познакомятся с вами получше. И полюбят. Я могу предположить, что они уже кое-что делают для этого. Могу также предположить, что через два месяца вам не позволят уехать. А даже если позволят, надеюсь, что вы передумаете и останетесь.

Сверкающие глаза Джулианы наполнились слезами.

– Семь недель и шесть дней.

Сердце Калли сжалось.

– Честное слово, я провела с вами один день и теперь тоже чувствую себя ответственной за ваше будущее. Думаю, мы с вами подружимся.

Джулиана улыбнулась сквозь слезы. Сделав глубокий вдох, она расправила плечи и смахнула слезы, решив на время забыть о своих сомнениях.

– Вы давно дружите с моим братом?

Калли оцепенела, услышав этот вопрос.

– Дружим?

– Sì⁵. Ясно, что Ралстон очень вас ценит и считает другом. Сегодня утром он с радостью сообщил, что получил ваше согласие взять меня в качестве протеже. Если бы вы не были друзьями, зачем бы вы пришли сюда, рискуя собственным положением, чтобы уберечь меня от промахов и ошибок?

Калли понимала, что не может сказать правду. «Понимаешь, Джулиана, в жизни женщины наступает такой момент, когда она готова на все ради поцелуя». Она помолчала, пытаясь найти подходящие слова; Джулиана неверно истолковала ее молчание.

– Ага, – произнесла прелестная итальянка, и в этом маленьком слове прозвучало осознание, – понимаю. Вы ведь больше, чем друзья, sì?

Калли широко раскрыла глаза.

– Что ты имеешь в виду?

– Вы его... – Джулиана мгновение помолчала, пытаясь точнее выразить свою мысль. – Его innamorata⁶?

– Прошу прощения? – Вопрос закончился сдавленным писком.

– Его любовница, да?

– Джулиана! – Возмущение одержало верх, и Калли, приняв одну из своих самых представительных поз, произнесла тоном настоящей гувернантки: – С гостями не обсуждают возлюбленных, любовниц или какие-то другие интимные вещи!

– Но вы же не просто гостя! – Джулиана выглядела смущенной. – Вы ведь мой друг, не правда ли?

– Конечно. Но и с друзьями также не говорят о таких личных делах!

– Прошу прощения. Я не знала. Я думала, что вы с Ралстоном...

– Ничего подобного! – Слова лились легко, но голос у Калли дрожал. – Мы не любовники. И даже не друзья. Я здесь, чтобы помочь тебе, потому что ты мне нравишься. Мне приятно твое общество. И маркиз Ралстон не имеет к этому никакого отношения.

Джулиана посмотрела Калли прямо в глаза, помолчав немного, затем ответила:

– Мне тоже доставляет удовольствие ваше общество, леди Кальпурния, и я рада, что именно вы будете моей наставницей. – Она подалась вперед, уголок рта слегка изогнулся в озорной улыбке. – Однако, полагаю, есть и другие причины вашего присутствия здесь, помимо доброго ко мне расположения. Иначе с чего бы вы стали так страстно опровергать мое предположение?

⁵ Да (*ит.*).

⁶ возлюбленная (*ит.*).

Калли широко распахнула глаза и в изумлении открыла рот, но так и не произнесла ни слова.

– Не беспокойтесь. Я умею хранить секреты.

Покачав головой, Калли сказала:

– Но нет никакого секрета! Нечего хранить!

Джулиана улыбнулась еще шире:

– Как вам будет угодно. – Она задумчиво склонила голову. – И все же я сохраню его.

Калли откинулась на спинку кресла и, прищурив глаза, посмотрела на свою ученицу, которая улыбалась словно кошка, съевшая миску сливок.

Подумать только, ведь еще вчера она считала маркиза самым хитрым обитателем Ралстон-Хауса.

Глава 5

Стороннему наблюдателю маркиз Ралстон, вольно развалившийся в огромном кресле элегантной гостиной мужского клуба «Брукс», мог показаться до кончиков ногтей настоящим представителем избалованной аристократии. Ноги в сверкающих сапогах небрежно вытянуты в сторону огромного мраморного камина; галстук ослаблен, но не развязан; волосы искусно растрепаны; полуприкрытые глаза наблюдают, как пляшут на углях языки пламени. В одной руке он небрежно держал хрустальный бокал со скотчем. Небольшое количество янтарной жидкости оставалось без внимания, грозя пролиться на толстый голубой ковер.

В общем, неопытному глазу он мог показаться настоящим лондонским денди – эдаким ленивым и праздным сибаритом. Такое наблюдение, однако, было бы в корне неверным, поскольку небрежная расслабленность маркиза скрывала лихорадочное движение мысли и сдерживаемое разочарование, так что сохранение внешнего спокойствия требовало от Гейбриела довольно значительных усилий.

– Я знал, что найду тебя здесь.

Маркиз оторвал взгляд от огня и увидел брата.

– Если ты пришел, чтобы сообщить о появлении еще одного нашего родственника, то сейчас для этого не самое подходящее время.

– Увы, нас по-прежнему всего трое. Как ни трудно в это поверить. – Ник вздохнул и, подвинув себе кресло, сел рядом с Гейбриелом. – Ты говорил с Настасией?

Ралстон сделал большой глоток.

– Да.

– А, тогда твое настроение понятно. За несколько дней изменить жизнь, проведенную в распутстве, – задача не из легких.

– Я не собираюсь менять образ жизни, но стану осторожнее.

– Достаточно честно. – Ник улыбнулся и едва заметно кивнул. – Пожалуй, для начала и это неплохо, особенно учитывая твое прошлое.

Ралстон помрачнел еще больше. В течение многих лет после смерти отца он вел достаточно предосудительный образ жизни, прочно закрепив за собой репутацию повесы и распутника, которая, впрочем, с некоторых пор стала более скандальной, чем того заслуживала в действительности.

– Она очень похожа на нашу мать.

При этих словах Гейбриел обернулся к брату.

– Очень надеюсь, что они похожи только внешне. В противном случае нам лучше отправить ее в Италию прямо сейчас. Я и так боюсь, что будет достаточно сложно справиться с репутацией нашей матушки.

– К счастью, ты богат и знатен. Думаю, что Джулиана не будет испытывать недостатка в приглашениях. Конечно, тебе придется сопровождать ее на каждое мало-мальски значимое мероприятие.

Гейбриел спокойно отхлебнул скотча, отказываясь реагировать на подначку брата.

– А как ты намереваешься избежать аналогичной участи, братец?

Ник улыбнулся:

– Никто не заметит отсутствия второго Сент-Джона.

– Правильно, Николас, поскольку ты тоже будешь там присутствовать.

– Вообще-то мне предлагают совершить небольшое путешествие на север. Лейтон полагает, что мой опыт поможет ему определить местонахождение некой скульптуры. Я думаю принять это приглашение.

– Нет. Ты не поедешь разыскивать свои замшелые черепки, оставив меня в одиночку отбиваться от светских волков.

Ник поднял брови.

– Постараюсь не обижаться на твою оценку моей работы... но когда же ты собираешься дать мне свободу?

Гейбриел снова отхлебнул скотча.

– Как думаешь, насколько быстро мы сможем выдать нашу сестру замуж?

– Все зависит от того, насколько быстро нам удастся вывести ее из заблуждения, что она не должна выходить замуж. Гейбриел, она буквально в ужасе от того, что ее постигнет участь матери. И разве можно ее за это винить? Эта женщина оставила след в каждом из нас.

– Джулиана совершенно не такая, как наша мать. И ее боязнь служит тому доказательством.

– Тем не менее. Не нас в этом нужно убеждать. Ее. И весь Лондон. – Братя долгое время молчали, затем Ник добавил: – Думаешь, Джулиана из тех, кто будет настаивать на браке по любви?

Ралстон раздраженно хмыкнул.

– Я очень надеюсь, что она девушка благоразумная.

– Женщины склонны считать, что любовь – это то, что причитается им по определению. Особенно молодые женщины.

– Не могу представить, что Джулиана верит в подобные сказки. Ты забываешь, что нас воспитывала одна и та же женщина... просто невозможно, чтобы Джулиана жаждала любви. Тем более после того как увидела, к чему это приводит.

Близнецы долго молчали, потом Ник сказал:

– Ради всех нас хочется верить, что ты прав. – Ралстон ничего не ответил, и Ник добавил: – Леди Кальпурния в качестве наставницы – превосходный выбор.

Ралстон уклончиво хмыкнул.

– Как ты добился ее согласия?

– Это имеет значение?

Ник недоуменно-вопросительно поднял бровь.

– Теперь я чувствую, что это имеет огромное значение. – Ралстон ничего не ответил, Ник поднялся и поправил свой галстук. – Марбери устраивает карточную игру. Не хочешь присоединиться?

Ралстон лишь отрицательно покачал головой и поднес к губам бокал.

Ник кивнул и вышел. Ралстон наблюдал за ним сквозь прикрытые веки, проклиная необъяснимую способность своего брата проникать в самую суть сложной ситуации.

Леди Кальпурния.

Он считал ее весьма приятной и доброжелательной женщиной с безупречной репутацией, которая просто очень вовремя оказалась на его пути. Она была идеальным решением проблемы – подготовки Джулианы к ее первому сезону; впрочем, возможно, он убедил себя в этом. Но ведь он целовал ее.

И поцелуй был довольно необычным.

Он усмехнулся при мысли об этом. Впрочем, Ралстон настолько был ошеломлен неожиданным появлением сестры, что любой поцелуй мог показаться приятным отвлечением.

Особенно поцелуй, подаренный так легко и таким приятным, пожалуй, даже восторженным, партнером.

Возбуждение горячей волной почти мгновенно окатило Ралстона, когда он вспомнил, как держал Калли в своих объятиях, ее нежные вздохи, то, с каким воодушевлением она отдалась его поцелую. Он подумал, что эта девушка вполне готова решиться на другие,

более страстные действия. На мгновение он позволил себе представить ее в своей постели. Огромные карие глаза, раскрытые пухлые губы, на которых всегда играет легкая загадочная улыбка...

В комнате раздался взрыв смеха, который вырвал его из задумчивой мечтательности. Ралстон поерзал в кресле, чтобы избавиться от не вовремя возникшего напряжения в бриджах, и покачал головой, отгоняя созданный образ и мысленно делая заметку найти себе подходящую женщину, причем как можно скорее.

Он сделал еще глоток скотча, затем несколько минут смотрел на огонь сквозь янтарную жидкость, оставшуюся в стакане, одновременно размышляя о странных событиях прошлой ночи. Он не мог отрицать того факта, что леди Кальпурния Хартуэлл, совершенно неприметная на званых вечерах девушка, о которой он никогда раньше не думал, пробудила в нем определенный интерес. Она, конечно, не относилась к тому типу женщин, которыми Гейбриел обычно интересовался. Более того, она была совершенно противоположного типа и никак не отвечала его предпочтениям – ему всегда нравились изысканные, уверенные в себе и опытные женщины.

Так почему же она так его заинтриговала?

От дальнейшего размышления над этим вопросом Ралстона отвлек очередной взрыв беспорядочного шума в комнате. Радуюсь возможности отвлечься от смущающих мыслей, он с интересом обернулся к группе разгоряченных джентльменов, громко выкрикивавших все возрастающие числа. Финни, букмекер клуба, торопливо записывал сделанные ставки в специальную книгу.

подавшись вперед, чтобы лучше рассмотреть происходящее, Ралстон быстро определил того, кто оказался в центре азартного спора, – это был барон Оксфорд. Именно поэтому несложно было определить и предмет заключения пари – женитьба барона, который, казалось, находился в беспрестанном поиске будущей супруги. В течение нескольких месяцев Оксфорд, сидевший по уши в долгах из-за своей любви к азартным играм, публично заявлял членам клуба «Брукс», что собирается жениться, и чем богаче будет невеста, тем лучше.

Несдержанный Оксфорд, который частенько бывал навеселе, казался Ралстону невыносимым. Однако, поскольку сейчас маркизу необходимо было отвлечься, он решил и, выбравшись из своего кресла, подошел к группе.

– Десять гиней на Пруденс Маруорти.

– У нее лошадиное лицо! – эта реплика прозвучала от самого Оксфорда.

– Ее приданое стоит свеч! – раздался чей-то голос. Ралстон был единственным мужчиной, у которого эта шутка не вызвала смех.

– Ставлю двадцать гиней на то, что никто, кроме дочери Бервика, за тебя не пойдет! – Граф Чилтон бросил свою ставку в общую кучу золотых монет. Раздался нестройный гул удивленных голосов: спорщиков поразили не только размер ставки сэра Чилтона, но и сам предмет этого рискованного пари.

– Возможно, она простовата, – со смехом ответил Оксфорд, – но ее отец действительно самый богатый человек в Англии!

Ралстона совершенно не интересовал этот гнусный спор, и он повернулся, собираясь покинуть спорящих, когда, перекрывая общий шум, раздался чей-то громкий голос:

– Я знаю точно! Девушка Аллендейл!

Ралстон замер, затем заинтересованно обернулся. Эта женщина просто преследовала его.

– Ничего подобного. Она только что обручилась с Ривингтоном, – произнес кто-то. – Да у тебя с головой не все в порядке, если ты думаешь, что Ангел Аллендейл пойдет за Оксфорда.

– Да не та, хорошенькая... другая.

– Толстушка?

– Со странным именем?

Оксфорд, самодовольно оглядываясь, что, вероятно, было следствием слишком большого количества спиртного, наслаждался каждой минутой этого неожиданного внимания.

– Ривингтон в самом деле поступил умно, женившись на состоянии Аллендейлов. А леди Кассиопея будет не самым плохим финалом моей истории.

– Кальпурния. – Ралстон произнес это имя тихо, слишком тихо, чтобы можно было расслышать, но одновременно кто-то из присутствующих поправил Оксфорда.

Барон небрежно отмахнулся стаканом в руке и продолжил:

– Не важно, как там ее зовут, но я снова буду богат – достаточно богат, чтобы содержать шикарную любовницу, и кроме того, с такой женой у меня не будет никаких хлопот. Разве что придется сделать ей одного-двух наследников. Я полагаю, что в ее возрасте – он выдержал отвратительно непристойную паузу – она будет благодарна мне за все.

Заявление Оксфорда вызвало взрыв гомерического хохота.

Глядя на полупьяную ухмылку Оксфорда, Ралстон испытал острое чувство отвращения. Кальпурния Хартуэлл никоим образом не может выйти замуж за Оксфорда. Никакая женщина, обладающая такой страстностью, ни за что не согласится на брак с таким типом. Ни в чем в своей жизни Ралстон не был так уверен, как в этом.

– Кто хочет поставить против того, что она будет моей к июню?

Несколько друзей Оксфорда сделали ставки за него, а другие поставили на то, что граф Аллендейл вмешается и не даст согласия на этот брак, и один человек поставил на то, что Оксфорд сбежит с леди Кальпурнией, чтобы достичь своей цели.

– Ставлю против всех. – Слова Ралстона, хотя и произнесенные очень тихо, заставили всех замолчать, и спорщики, как один, повернулись к нему.

Оксфорд широко улыбнулся:

– А, маркиз Ралстон. Я вас не заметил. Не хотите сделать ставку на мою будущую невесту?

Ралстон не мог представить ситуацию, в которой женщина, приходившая прошлой ночью в его дом, испытала бы к этому фанфарону нечто более мягкое, чем раздражение. Еще никогда ему не представлялся случай так легко выиграть пари. Словно отобрать конфету у ребенка.

– В самом деле, сэр Оксфорд. Ставлю против всех на леди Кальпурнию. Но предупреждаю: у вас нет ни малейшего шанса. Эта девушка никогда не выйдет за вас. – Он повернулся к букмекеру. – Финни, отметьте мои слова. Если сэру Оксфорду повезет и у него появится возможность сделать предложение леди Кальпурнии, она, без сомнения, ответит ему отказом.

Гул удивления пробежал по группе спорщиков, и Финни спросил:

– Сколько, милорд?

Глядя Оксфорду в глаза, Ралстон произнес:

– Полагаю, тысяча фунтов сделает это пари интересным. – И он, резко развернувшись, вышел из комнаты, оставив мужчин в полном изумлении.

Перчатка была брошена.

Глава 6

Калли надеялась, что в этот вечер все сложится по-другому, что прием по случаю обручения Марианны и Ривингтона пройдет идеально. Собственно, так все и было. Каждый дюйм большого зала приемов сверкал как отполированный, огромные хрустальные люстры с тысячами свечей ровным светом заливали мраморные колонны, поддерживавшие просторную галерею бального зала Аллендейл-Хауса, который позволял гостям, нуждавшимся в передышке, отдохнуть, по сути не покидая место действия.

Марианна, как и ожидала Калли, блистала на балу, танцуя с Ривингтоном. Гости, за долгие зимние месяцы соскучившиеся по выездам, были разодеты по самой последней моде и горели желанием показать себя в самом выигрышном свете, а также посмотреть на знакомых, которые провели зиму вне Лондона.

В общем, все было великолепно, кроме одного: Калли, как обычно, сидела на «скамье старых дев», хотя рассчитывала, что этот бал станет особенным для обеих сестер Аллендейл.

Ей бы уже следовало привыкнуть. Хотя трудно привыкнуть к тому, что тебя не замечают и обходят, как и остальных девиц, оказавшихся не у дел. По правде говоря, в самом начале ее это вполне устраивало. Дамы сразу же приняли ее в свой круг, радушно предлагая место в любом из закутков, в котором собирались несостоявшиеся жены. Калли находила гораздо более интересным наблюдать, как складывается сезон, мило болтая с дамами, чем неловко стоять на другом конце зала и терпеливо ждать, когда тебя пригласит на танец подходящий молодой джентльмен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.